

A photograph of three people running through ocean waves. The scene is captured from a low angle, showing the backs of the individuals as they splash through the water. The sun is high in the sky, creating a bright, hazy atmosphere with lens flare effects. The water is a vibrant blue-green color, and the waves are white and frothy. The overall mood is energetic and nostalgic.

18+

Валери Перрен

Трое

КОГДА ДЕТСКИЕ МЕЧТЫ РАЗБИВАЮТСЯ,
КАК ВОЛНЫ О СКАЛЫ

Валери Перрен

Трое

Серия «Бестселлер №1 во Франции»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67787978

Трое: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-170609-8

Аннотация

«Меня зовут Виржини. Сегодня из трех друзей со мной разговаривает только Адриен. Нина меня презирает. С Этьеном я сама не желаю иметь дела. А между тем, они с детства завораживают меня. С самого детства и по сию пору я чувствую привязанность только к этой троице».

1986 год

Нина, Этьен и Адриен – трио друзей, они учатся в одной школе, их объединяют общие идеалы и секреты. Они клянутся, став старше, уехать из провинции и обосноваться в Париже. Друзья очень близки, что не всегда находит понимание у окружающих.

Наши дни

На дне озера обнаружена машина. Журналистка по имени Виржини освещает происшествие. Это дело каким-то образом связано с прошлым трех друзей – Нины, Этьена и Адриена.

Виржини их ровесница, она знала их всю жизнь. И ей есть что рассказать.

***

Валери Перрен удалось создать удивительно поэтический и мудрый роман, в духе французского натурализма. Удивительно естественный, романтический и кинематографичный».

L'Indépendant (о романе "Поменяй воду цветам")

Интересно, что упор на сравнение творчества Валери Перрен с кинематографом отнюдь не случайный. Валери Перрен – не только писательница, но и фотограф, и сценаристка. Она более десяти лет сотрудничала с всемирно известным кинорежиссером Клодом Лелушем (его фильм «Мужчина и женщина» получил «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля и две премии Оскар).

Встреча Валери Перрен с Лелушем в 2006 году определила ее дальнейшую карьеру сначала в качестве фотографа на съемках, а затем и соавтора некоторых фильмов режиссера. В настоящее время Валери Перрен автор пяти книг, три из которых – романы. Именно с них началась ее популярность у широкой, стоящей особняком от европейской творческой богемы, публики. За свои романы Валери получила более 10 литературных наград, причем критики не раз отмечали, что ее стиль «очень чуткий... с отсылками к национальным литературным шедеврам и кинематографу» и что ее произведениям свойственны отлично уживающиеся друг с другом «великодушные, юмор и грусть».

«Этот роман – настоящий самородок» – *Le Parisien*

«Валери Перрен – очень талантливая рассказчица» – *Elle*

Содержание

1	7
2	13
3	24
4	28
5	34
6	41
7	45
8	56
9	59
10	74
11	77
12	89
13	97
14	103
15	107
16	111
17	114
18	120
19	123
20	133
21	138
22	141
23	145

24	154
25	161
26	166
27	172
28	175
29	178
30	190
31	193
32	199
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Валери Перрен

Трое

Copyright © Editions Albin Michel – Paris 2021

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО Изда-
тельство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается

Николя Сиркису¹

и Яннику Перрену²

Светлой памяти

Паскаль Ромишвили³

---

¹ Николя Анри Дидье Сиркис (род. в 1959), известный под сценическим псевдонимом Никола Сиркис – фронтмен и вокалист французской рок-группы *Indochine* – «Индокитай» (*фр.*).

² Янник Перрен, также известный как Стэн Любрик – французский актер, оператор, сценарист и режиссер фильмов для взрослых.

³ Паскаль Ромишвили (1962–2019) – флорист, защитница животных.

1

4 декабря 2017

Сегодня утром Нина посмотрела мимо меня, едва скользнув взглядом по лицу (так капли воды скатываются по глянцевої поверхности дождевика), и исчезла в питомнике.

Погода была ужасная, о такой говорят: «Разверзлись хляби небесные...»

Я успела заметить под капюшоном бледное лицо в обрамлении черных волос. На ногах у Нины были резиновые сапоги – почему-то гигантского размера, в руке она держала шланг. Меня будто шибануло в живот электрическим разрядом силой этак в пять тысяч вольт.

Я выгрузила тридцать кило собачьего корма, но внутрь не зашла, оставила у ограды. Так происходит раз в месяц: я слышу лай, но собак не вижу, если только волонтер не выгуливает одного из постояльцев на пустыре.

Мешки с крокетами, мою «искупительную долю», перетаскивает от ворот здоровенный, заросший щетиной парень, он оставит их у стены с двумя табличками. Первая лаконична: «БРОСИТЬ = УБИТЬ». Вторая традиционна: «ПРОСЬБА ПЛОТНО ЗАКРЫВАТЬ ЗА СОБОЙ ВХОДНУЮ ДВЕРЬ».

Дважды в год, на Рождество и перед летними каникулами, я бросаю в почтовый ящик конверт с наличными, написав

черным фломастером «ДЛЯ НИНЫ БО». Не хочу, чтобы она знала, от кого пожертвование, потому что делаю это не для собак, а ради нее. Все, конечно же, будет потрачено на миски и ветеринаров, но анонимность жертвователя позволит ей думать, что в мире живут не одни только изверги, выбрасывающие котят в мусорные баки.

Тридцать один год назад Нина посмотрела *сквозь* меня, в точности как сегодня утром. Ей было десять, она вышла из мужского туалета, в женском была очередь, а Нина с детства не любила ждать.

В тот далекий день Нина скользнула по мне взглядом и бросилась в объятия к Этьену.

Воскресенье, вторая половина дня, «Прогресс» – кафе с табачным киоском, принадлежащее родителям Лоранс Вийяр. Посетителей нет, металлические жалюзи спущены – заведение закрыто по случаю дня рождения дочери хозяев. Помню, что стулья стояли на столах вверх ножками, электробильярд сдвинули к бару и организовали импровизированный танцпол. Подарочная бумага, сорванная нетерпеливыми руками, валялась на полу рядом с пакетами от чипсов, печенья «Чоко-БН», в картонных стаканчиках с желтыми соломинками плескались «Оазис» и лимонад.

Приглашен был весь класс. Я никого не знала, потому что совсем недавно приехала в Ла-Комель, рабочий городок в самом сердце Франции с населением двенадцать тысяч душ.

Нина Бо. Этьен Больё. Адриен Бобен.

Я видела отражения их лиц в зеркале над стойкой бара.

У них были старомодные, передаваемые по наследству имена. Каждый второй из нас Орельен, Надеж или Микаэль.

Нина, Этьен и Адриен были неразлучны, а меня ни в тот день, ни позже не замечали.

Нина с Этьеном танцевали под «*Дай мне шанс*»⁴ группы *a-ha*. Запись длилась двадцать минут, и ее ставили снова и снова, как будто других в запасе не было.

«Они танцуют как взрослые, – подумала я тогда. – Наверное, много репетируют...»

Освещенные стробоскопом мальчик и девочка напоминали двух альбатросов, гонимых ветром над ночным морем.

Адриен сидел на полу, прислонясь к стене, и, как только Синди Лопер запела «*Истинные цвета*»⁵, ринулся приглашать Нину на медленный фокстрот.

Этьен чуть коснулся меня плечом. Никогда не забуду его запах – ветивер с сахаром.

* * *

Я живу одна на склонах Ла-Комели. Не слишком высоко – окружающую местность правильнее будет назвать *умеренно холмистой*. На некоторое время я уезжала, но потом вернулась, потому что тут я своя, мне знакомы голоса всех ве-

---

⁴ Take on Me (англ.).

⁵ True Colors (англ.).

щей, лица соседей, я хожу по двум главным улицам и каждую неделю покупаю продукты в супермаркете. Уже лет десять цена на жилье остается просто смехотворной, иначе не скажешь, приобрести участок земли не проблема, вот я и купила домик – три франка шесть су за квадратный метр – и привела его в порядок. Четыре комнаты и садик со старой липой. Летом она дарит гостеприимную тень, зимой я завариваю липовый цвет и с удовольствием его пью.

Многие покидают Ла-Комель. Многие. Нина осталась.

Этьен и Адриен уехали, вернулись на Рождество, снова уехали.

Я работаю дома, читаю корректуры для издательства, время от времени перевожу рукописи и пару месяцев в году подменяю обозревателя местной газеты, чтобы не утратить связь с внешним миром. В августе обеспечиваю горожан информацией о смертях, годовщинах свадеб и победителях турниров по белоту, а в декабре добавляются объявления о представлениях для детей и елочных базарах.

Переводы с редактуры-корректуры остались от прежней жизни. А еще есть воспоминания, настоящее и прошлое, меняющие ароматы, как змея кожу. Другая жизнь – другие запахи.

Детство пахнет гудроном, резиной тяжелых автомобильных шин. Сладкой ватой, дезинфекцией, которую перед началом учебного года проводят во всех классных комнатах, в холодные дни – дымом печных труб, хлорированной во-

дой муниципальных бассейнов, пропитавшейся потом спортивной формой, липнущей к разгоряченным телам учеников, возвращающихся с урока физкультуры колонной по два. Розовыми жвачками «Малабар», ирисками «Карамбар», нитями клея, прилипшего к пальцам, и размягчающей души елкой.

У отрочества запахи иные: первая затяжка, мускусный дезодорант, гренок с маслом в чашке горячего шоколада, виски-кола, погребки, переделанные в танцзалы, желанное тело, одеколон *La Manufacture Cologne Précieuse*, гель для волос, яичный шампунь, помада, замоченные в тазу джинсы.

Много лет спустя случайно натыкаешься на забытый шелковый шарф и вспоминаешь первую, несчастную любовь.

Еще есть лето, непременно составляющая любых воспоминаний. Лето бессмертно, оно существует вне времени. У него самый стойкий запах. Он пристаёт к одежде. Его ищешь всю жизнь. Сладчайшие фрукты, морской бриз, оладьи, чёрный кофе, масло для загара, бабушкина пудра *Caron*. У лета нет возраста, нет ни детства, ни юности, оно принадлежит всем возрастам. Лето – ангел.

Я высокая, фигура у меня хорошая, волосы темно-каштановые, подстриженные до плеч, и челка. Пробивающуюся кое-где седину я старательно закрасиваю.

Меня зовут Виржини. Я их ровесница.

Сегодня из трех друзей со мной разговаривает только Адриен.

Нина меня презирает.

С Этьеном я сама не желаю иметь дела.

А между тем они с детства завораживают меня. С самого детства и по сию пору я чувствую привязанность только к этой троице.

И к Луизе.

2

5 июля 1987

Все начинается с сэндвича, картошки фри с кетчупом и разболевшегося живота. Нина сидит под зонтиком *Miko*, напротив продавца жареных вкусностей. Несколько столиков из крашеного железа стоят на террасе, нависающей над тремя чашами городского бассейна. Она слизывает соль с подушечек пальцев, слушает «*Прекрасный остров*»⁶ Мадонны, восхищенно разглядывает загорелого блондина, прыгающего с пятиметрового трамплина, выскребает остатки лакомства из желобков пластикового контейнера. Этьен раскачивается на задних ножках стула и попивает клубничным лимонад, а Адриен ест персик, и сок течет по рукам, подбородку, шее и груди.

Нина любит наблюдать за мальчишками – не таясь, в открытую, – упирается взглядом в... определенную часть тела и не отводит взгляд. Этьен ёжится и часто говорит ей: «Прекрати так смотреть!» Адриену плевать – такова уж Нина, тормозов у нее не было, нет и не будет.

Ну вот, снова спазмы в животе, что-то горячее течет по ногам. До Нины наконец доходит. «Нет, не может быть, еще не время. Не хочу. Я еще слишком маленькая, через две недели

---

⁶ La Isla bonita (исп.).

мне будет одиннадцать...» Она думала, что *это* начинается в коллеже. Между пятым и третьим классом⁷. Через два месяца начнутся занятия в шестом... «Если девчонки узнают о месячных, решат, что я второгодница, стыда не оберешься...»

Нина встает, обматывает бедра жестким полотенчиком. Она очень худенькая – Этьен, желая позлить подругу, называет ее Проволочкой. Девочка молча отдает ему плеер и уходит в женскую раздевалку, хотя обычно раздевается-одевается в одной из кабинок мужской – там меньше народу.

Этьен и Адриен остаются на террасе. Нина убежала, не сказав ни слова, нарушив «Кодекс поведения троих»: расставаясь, каждый сообщает, куда направляется.

– Что это с ней? – удивляется Этьен, не выпуская соломинки из губ.

Адриен замечает, что язык у друга порозовел от сиропа.

– Не знаю... – Он пожимает плечами. – Может, астма опять напала...

В этот день Нина не возвращается на террасу. Она рассматривает коричневое пятно на купальнике, натягивает трусики, напихав внутрь пук скомканной туалетной бумаги, и торопится в «Маленький Кооператив» за прокладками. Покупает на оставшиеся десять франков самые дешевые.

---

⁷ Нумерация классов начинается во Франции не с первого, как в России, а с шестого. Таким образом, в 11 лет школьники идут в шестой класс *CM2* – среднего курса 2-го года начального образования, затем следует пятый и т. д. до третьего класса, т. е. до 14 лет.

Целую упаковку.

Собака Нины, ее зовут Паола, странно на нее посматривает, виляя хвостом, принюхивается, обходит девочку сзади и бежит к хозяину дома Пьеру Бо. Дед Нины возится в саду, он, слава богу, не заметил, что внучка вернулась, и она закрывается в своей комнате на втором этаже.

Погода такая жаркая, что больше всего ей хочется вернуться к ребятам, в самый глубокий, четырехметровый, бассейн с тремя трамплинами – метровым, трех- и пятиметровым. Чаша бассейна такая глубокая, что вода не прогревается, и они каждый день на спор касаются ледяного дна.

Вечером Этьен звонит Нине, опередив Адриена, который в тот же самый момент набирает ее номер.

– Чего это ты так сорвалась, даже не попрощалась?

Она молчит, думает, что бы соврать. И решает сказать правду.

– Месячные начались.

Этьен считает, что *такое* случается только с грудастыми девицами, матерями семейств и замужними женщинами. При чем тут Нина? Сам он все еще сосет большой палец – когда никто не видит! – и обожает наклейки «Панини»⁸, собрал несколько альбомов.

Они с Ниной похожи, Этьен однажды видел в ее комнате кучу разных Барби, сидящих в ряд на полке стеллажа.

---

⁸ Компания Panini (Италия, Модена) – мировой лидер производства стикеров, основана в 1961 г.

Выдержав долгую паузу – она призвана выразить сомнение в правдивости слов подруги, – он продолжает допрос:

– Деду сказала?

– Нет... Неудобно.

– Что будешь делать?

– А почему я должна что-то делать?

– Может, тебе еще рано?

– Это вроде бы передается по наследству от матери. Если у моей тоже началось в одиннадцать лет, значит, все в порядке. Но я этого не узнаю...

– Болит живот?

– Терпимо. Похоже на рези от гадкого лукового супа...

– Хорошо, что я не девчонка.

– Зато пойдешь в армию.

– Ну и пусть... Все равно хорошо. Собираешься к доктору?

– Еще не решила.

– Пойти с тобой?

– Может быть... Но ждать будете в коридоре.

* * *

Троица встретила десять месяцев назад во дворе начальной школы имени Пастера в первый учебный день.

В этом возрасте – чистый ужас, а не возраст! – все дети совершенно разные. Дылды и коротышки. Половозрелые и

еще нет. Некоторым можно дать четырнадцать, другие и на восемь не выглядят.

Оба шестых класса собрались во дворе, и к шестидесяти ученикам вышли учительница мадам Блетон и учитель мсье Пи. Началась перекличка.

Этим утром дети познают игру случая, удары судьбы и учатся отличать одно от другого.

Каждый ребенок – даже те, кто никогда не был у Святого причастия! – молят доброго Боженку, чтобы его фамилию назвала мадам Блетон. О втором учителе ходит дурная слава: многие и многие бывшие «травмированные» им ученики предупреждают младших братьев и сестер, чтобы остерегались закоренелого мерзавца, щедрого на затрещины. Он любит схватить ученика за воротник, вздернуть его в воздух и потрясти, как кутенка за шкурку, а если разозлится основательно, ломает стулья об стену. Каждый год мсье Пи выбирает козла отпущения, вцепляется в него мертвой хваткой и терзает. Обычно не везет плохому ученику. «Старайся, иначе тебе хана!» – такое наставление дают ребятишкам жертвы учителя Пи.

Мадам Блетон – правый ряд, мсье Пи – левый. Фамилии выкликают в алфавитном порядке.

В правом ряду то и дело слышатся вздохи облегчения, кто-то поднимает глаза, благодаря Небеса, кто-то расслабляет плечи. Отправленные «налево» напоминают осужденных на казнь.

В то утро на школу имени великого Пастера опустилась гулкая свинцовая тишина, слышны только голоса двух учителей. Они по очереди произносят фамилии учеников на букву «А».

Адам Эрик – направо.

Антар Сандрина – налево.

Антюнес Флафие – направо.

Следом идут фамилии на «Б».

Бо Нина – налево.

Боклер Надеж – направо.

Больё Этьен – налево.

Биссе Орельен – направо.

Бобен Адриен – налево.

Вот так Нина Бо, Этьен Больё и Адриен Бобен сошлись 3 сентября 1986 года на школьном дворе, мальчишки оцепенели, и Нина, взяв за руки обоих, повела в «команду» мсье Пи. Этьен не сопротивлялся, не чувствовал стыда. Он получил двойной удар – его «разлучили» с дружкой Орельеном Биссе и отправили к Пи. В школе имени Пастера все ученики от подготовишек до старшеклассников преодолевают последнюю прямую перед коллежем, как полосу препятствий. «Ты у Пи? Ужас! Ад на земле!»

Трое ждут конца жеребьевки.

Этьен самый высокий. У него тонкое лицо, белокурые волосы, изумительно гладкая, как у ребенка с гравюры, кожа и синие глаза.

Темные густые волосы Адриена торчат в разные стороны, он худенький, белокожий и ужасно застенчивый – кажется, сейчас спрячется за себя самого.

Нина от природы грациозна, как лань. Густые брови и длинные ресницы обрамляют черные глаза. За лето она загорает до шоколадного цвета.

Мсье Пи наблюдает за будущими учениками из-за стекол очков и выглядит довольным. Он улыбается и ведет их в класс, останавливается у черной доски. Все его жесты точно выверены и должны наводить на учеников благоговейный ужас. Все происходит в полной ледяной тишине.

Каждый выбирает себе парту, те, кто знаком, садятся вместе. Этьен незаметно отодвигает приятеля, чтобы оказаться рядом с Ниной, Адриен покорно устраивается за девочкой и смотрит только на нее, забыв об учителе. Не может отвести взгляд от темных косичек с порыжевшими на солнце концами, перехваченных резиночками, от прямого пробора, перламутровых пуговиц на красном бархатном платье и покрытой пушком шеи. Красота, вид сзади. Она чувствует его взгляд, оборачивается и одаривает лукавой улыбкой. Эта улыбка успокаивает, вселяет уверенность. У него появилась подруга. Товарищ. Он может вернуться домой и сказать матери: «Я подружился с девочкой». Адриен надеется, что увидит Нину в столовой.

– Можете сесть.

Мсье Пи представляется, пишет на доске имя и фамилию.

Напряжение спадает, кажется, учитель совсем не злой, улыбается, говорит спокойным тоном. Может, он изменился, может, взрослые и правда добреют со временем?

Утро проходит быстро. Мсье Пи раздает учебники, объясняет, что сдавать их следует сразу после уроков, а не на следующий день.

– Я терпеть не могу прокрастинацию... – роняет он, роясь в кожаном портфеле.

Класс угрюмо молчит.

– Вижу, значение слова вам неизвестно.

Мсье Пи встает, вытирает губкой доску и пишет: *ПРОКРАСТИНАЦИЯ ОТ ГЛАГОЛА ПРОКРАСТИНИРОВАТЬ* – и подчеркивает написанное тремя чертами.

– Прокрастинировать – значит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. А теперь пусть каждый встанет и назовет свою фамилию, имя, слабую и сильную стороны.

Никто не хочет быть первым.

– Вы что, заснули, дети мои? Ничего, сейчас мы вас разбудим! – обещает-грозится мсье Пи. – Пусть все решит случай.

Он указывает на соседку Адриена, и девочка – у нее очень светлые, почти белые волосы – поднимается из-за парты.

– Меня зовут Каролина Дессень, моя сильная сторона – чтение, слабая – частые головокружения...

Девочка садится, слегка покраснев.

– Следующий! Твой сосед, – бросает Пи.

Адриен встает. Лоб у него пылает, ладони влажны от стра-

ха – он не привык высказываться при чужих людях.

– Меня зовут Адриен Бобен. Я тоже силен в чтении... А слабость... ну... страх перед змеями.

Нина поднимает руку. Учитель кивает: «Начинай...»

– Я Нина Бо. Я хорошо рисую, но у меня астма.

Настает черед Этьена, и он встает.

– Ты не поднял руку! – вопит Пи.

Зловещая тишина.

– Ладно, ладно, сегодня первый день занятий, – вдруг смягчается Пи. – Обычно в первый день нога у меня не зудит, устав от каникул. Садись. Хочешь высказаться – подними руку. Следующий!

Этьен опускается на стул, прячет дрожащие руки под парту, по спине у него течет холодный пот.

В полдень во всех классах слышится звон колокола. Никто не смеет шевельнуться. Мсье Пи просит не высказавшихся закончить упражнение. Этьен много раз поднимает руку, но учитель нарочито не замечает его до самой перемены.

Выйдя из класса, Этьен с Адриеном ждут под дверью Нину, словно бы решив восстановить единство троицы, но, когда девочка наконец появляется, Этьен начинает жаловаться.

– Все представились – кроме меня! – ноет он.

– Ну давай, представься! – просит Нина.

– Я – Этьен Больё. Силен в спорте, а слаб в... даже не знаю... я во всем хорош.

– И у тебя нет ни одного недостатка? – изумляется Нина.

– Вроде бы нет.

– Тебе никогда не бывает страшно? – спрашивает потрясенный Адриен.

– Нет.

– Даже ночью, в лесу, в одиночку?

– Наверное, нет. Не знаю. Можно проверить.

Они уже на двадцать минут опаздывают в столовую и прибавляют шаг: Нина – в центре, Адриен – справа от нее, Этьен – слева.

Ученик: Бобен Адриен, 71200, Ла-Комель, ул. Дж. Кеннеди, 25, родился 20 апреля 1976-го в Париже, француз.

Отец: Бобен Сильвен, 75017, Париж, ул. Рима, 7, банкир, родился 6 августа 1940-го в Париже, француз.

Мать: Симони Жозефина, 71200, Ла-Комель, ул. Дж. Кеннеди, 25, младшая патронажная медсестра, родилась 7 сентября 1952-го в Клермон-Ферране, француженка.

Иное — законное — ответственное — лицо, — адрес, профессия, дата рождения, национальность, домашний телефон, служебный телефон.

Кому звонить в экстренном случае: Жозефина Симони, 85 67 90 03.

Ученик: Больё Этьен Жан Жозеф, 71200, Ла-Комель, улица дю Буа-д'Аглан, 7, родился 22 октября 1976-го в Паре-ле-Моньяле, француз.

Брат: Поль-Эмиль, 19 лет.

Сестра: Луиза, 9 лет.

Отец: Больё Марк, 71200, Ла-Комель, улица дю Буа-д'Аглан, 7, административный служащий в Отёне, родился 13 ноября 1941-го в Париже, француз.

Мать: Больё, урожд. Пти, Мари-Лор, 71200, Ла-Комель, улица дю Буа-д'Аглан, 7, юридический советник в Маконе, родилась 1 марта 1958-го в Ла-Комели, француженка.

Иное — законное — ответственное — лицо, — адрес, профессия, дата рождения, национальность, домашний телефон, служебный телефон.

Кому звонить в экстренном случае: Бернадетт Ранкёр (домашняя прислуга), 85 30 52 11.

Ученица: Бо Нина, 71200, Ла-Комель, улица Гажер, 3, родилась 2 августа 1976-го в Коломбе, француженка.

Отец: Неизвестен.

Мать: Бо Марион, 93200, Сен-Дени, улица Обер, 3, без определенной профессии, родилась 3 июля 1958-го в Ла-Комеле, француженка.

Законный представитель: Пьер Бо (дед), 71200, Ла-Комель, улица Гажер, 3, почтовый служащий, вдовец, родился 16 марта 1938-го, француз.

Кому звонить в экстренном случае: Пьер Бо, 85 29 87 68.

3

5 декабря 2017

Я снова и снова прокручиваю в голове информацию – и не верю себе. Я убежденная одиночка, так где была моя голова в тот день, когда мой же язык предложил газете мою кандидатуру?! Я вознамерилась бросить вызов жизни? Пережила минутное помешательство? Скорее всего, ведь меня не интересуют сплетни, проводы на пенсию и соревнования по игре в петанк, разрази меня гром!

Несчастный случай. Подножка судьбы.

Лесное озеро. Зброшенный песчаный карьер в южной части города, на дороге в Отён. Подземные воды, подпитываемые Соной, затопили сотню гектаров земли. В детстве мы часто там купались, несмотря на строжайший запрет взрослых, но далеко не заплывали, помнили про смертоносные бочаги, которые то и дело образуются в глубине из-за подвижек в придонных слоях. Мало кто решался забираться на середину озера, слишком много мрачных легенд о нем ходило. Поговаривали, что по ночам на волю вырываются души утопленников в саванах и резвятся в лунном свете. Лично я не встречала никого, кроме туристов, гадающих вокруг пустыми пивными бутылками. Многие из нас входили в воду босиком, я даже в самую жару не снимала кеды, чтобы не порезаться осколком стекла или, не приведи господь, не пораниться

ржавой железью. И все-таки по вечерам мы собирались на берегу, разводили костер, слушали музыку и выпивали.

Тысячу лет там не была...

Впервые за полвека воду частично спустили, чтобы укрепить и привести в божеский вид берега рукотворного водоема. Коммуна прикинула стоимость работ и решила, что горожане заслужили песчаный пляж, горки, кабачок и... вышку спасателей. Все лучше, чем контролировать дикарей и оказывать помощь слишком ретивым пловцам.

Машину нашли рабочие, когда начали спускать западную часть озера. Случилось это на прошлой неделе. К берегам водоема можно подойти только по узким извилистым тропинкам, а те, кто приезжает на машинах, паркуются метрах в трехстах, на импровизированной стоянке между двумя полями.

Вытащенную со дна «Твинго» угнали 17 августа 1994 года в Ла-Комели, ее опознали по номеру. Вроде ничего необычного – воры решили избавиться от тачки и утопили ее, – но жандармов заинтриговала одна «незначительная» деталь: именно в тот день исчезла Клотильда Марэ.

17 августа 1994 года. У меня кровь заледенела, когда я услышала эту дату.

– Может, пошлете кого-нибудь поопытней, из центрального офиса редакции? – проямлила я, не надеясь на успех: подменка на то и подменка, чтобы «ложиться на амбразуру», когда большинство штатных сотрудников наслаждаются от-

дыхом. «Полиция начала расследование, так что... летите на озеро и снимите останки «Твинго», мы подверстаем ее к статье в вечернем выпуске...»

Ничего не поделаешь – принимаюсь за поиски своей пресс-карты, шарю в глубине ящика, ругая себя последними словами. И зря – на конкурсе «Мисс Петанк» документов с писак не спрашивают.

Я не любила Клотильду Марэ. Жестоко завидовала длинным стройным ногам, которыми она обвивала талию Этьена. Как сейчас вижу юную парочку: Клотильда – она в шортах – сидит на низкой каменной стенке, притянув Этьена к себе, у нее безупречный педикюр, на ногтях блестит красный лак. Золотистые босоножки валяются на тротуаре. Квинтэссенция женственности... Я умираю от желания спихнуть мерзавку на землю, занять освободившееся место, стать ею... но мечта остается мечтой. Я прохожу мимо влюбленных, не глядя в их сторону и почти не дыша.

Клотильда Марэ испарилась в год своего восемнадцатилетия. Ее исчезновение взбудоражило весь город. Почему она не оставила ни письма, ни записки, ничего не объяснила? Одна я не слишком удивилась. Клотильда была снобкой и тихушницей, друзей не заводила и чаще всего проводила время в одиночестве.

Черт, как хочется позвонить Нине в приют и рассказать о найденной машине! Никогда этого не сделаю... Хорошо, что я научилась обуздывать порывы!

Не представляю, что почувствует Этьен, узнав о находке.

4

Учитель Антуан Пи только раз сменил одного козла отпущения на другого. Это случилось в том учебном году, который начался в сентябре 1986-го и закончился в июне 1987-го.

Много-много лет – с 1955-го по 2001-й – в первый день занятий Пи мысленно выбирал жертву, наслаждаясь своей тайной игрой. Готовиться к ней он начинал летом, за кроссвордами, в Сабль-д’Олон, куда ездил каждый год.

Каким будет очередной «козлик»? Блондином? Брюнетом? Рыжим? Высоким второгодником или щуплым трусишкой? Учеником, которого он невзлюбит с первого взгляда! Тем, кто опустится на одну из скамеек в классе, произнесет «Здесь!» – и его голос проскрипит, как вилка по тарелке.

Слабым полом мсье Пи не интересовался, он искал мальчишку – не торопясь, дотошно изучая личные дела.

Как же он любил копаться в именах, фамилиях и семейном положении своих учеников! Это было... было... все равно что смотреть с улицы, из темноты, через окна на освещенное нутро чужого дома.

Профессии отца и матери. Пи никогда не выбирал сына ответственного работника, инженера или госслужащего, что и спасло Этьена Больё в первый день занятий 1986 года. Не вычитай Пи, что родители мальчика – высокопоставленные

чиновники, отдуваться бы Этьену каждый проведенный в школе день! Учитель орал бы на него за то, что вскочил без разрешения и задал вопрос, да мало ли за что еще – повод всегда найдется...

Мсье Пи никогда не третировал «этих Абделей Кадеров»⁹ – так он называл детей мусульманского вероисповедания, сидя на террасах лучших кафе Сабль-д'Олон в обществе избранных друзей, преподавателей других школ.

В Ла-Комели у Антуана Пи не было даже хороших знакомых: положение и профессия заставляли держаться на почтительном расстоянии от учителя.

Ритуал был отработан детально: через три дня после «первичной сортировки», изучения профессионального положения родителей и их национальностей мсье Пи определял, кого будет... гнобить. Критерии оставались неизменными: ученик должен выглядеть полным идиотом с тупым взглядом, соображать медленнее черепахи, страдать всевозможными тиками, носить мятую, чуть засаленную в районе живота рубашку, грязную обувь и передвигаться развинченной походкой. Иногда мсье Пи начинал цепляться к мальчишке, который выглядел слишком уверенным в себе, высокомерным, то и дело улыбался уголками губ, смотрел искоса и вообще был странноватым. Таким учитель обожал затыкать рты.

Итак, он искал самую незаметную «трещинку» класса,

---

⁹ Абдель Кадер Бенсалах (1941–2021) – алжирский государственный и политический деятель.

чтобы проникнуть в нее, расположиться со всеми удобствами и приступить к игре.

Он всегда преподавал в классах второго года среднего курса начальной школы – последнего перед поступлением в коллежи, которые мсье Пи считал «большой помойкой национального образования», все до единого. Учителю казалось, что он ограняет драгоценные камни, чтобы они «закончили в сточной канаве». «Все это, увы, мартышкин труд, моя дорогая...» – любил повторять за обедом мсье Пи, когда жена наливала ему суп.

В сентябре 1986 года несчастный жребий выпал Мартену Деланнуа, повторявшему СЕ1 – первый год начального курса. Мальчик страдал дислексией и посещал логопеда. Пи не заставлял Мартена читать вслух тексты перед всем классом – это было бы слишком просто, слишком рискованно и недостаточно извращенно. Деланнуа-старшие, да и все остальные родители, ни в коем случае не должны были усомниться в авторитете учителя, наслушавшись рассказов своих отпрысков за ужином. Пи вызывал Мартена к доске и заставлял все утро решать зубодробительные математические задачи.

Он с трудом скрывал свое гаденькое ликование за фальшивой улыбкой, глядя, как бледнеет, трясется и потеет ребенок, из последних сил сдерживая слезы, а потом начинает безутешно рыдать (у некоторых даже кровь шла носом!). Добившись желаемого результата, Пи медоточивым голосом произносил: «Ступай на место, дружок, останешься на переме-

ну, и я все тебе объясню!»

Учитель редко повышал голос, но, если ученик болтал на уроке, или жена отказала ему вечером, или утром кто-то подрезал его на дороге, он как ястреб налетал на провинившегося, хватал его за шиворот и поднимал в воздух. Плохая оценка, уловки типа «ответ не по теме», хихиканье, болтовня, невнимательность, зевки... во всех этих случаях стены дрожали от крика, и мужской голос терялся в листве каштанов, растущих в школьном дворе.

Ни один родитель ни разу не пожаловался на мсье Пи, его имя произносили, уважительно понизив голос, с довольной улыбкой и благодарностью, что он воспринимал как должное. Все его ученики подтягивали успеваемость и улучшали отметки, а он говорил, скромно потупившись: «Я просто делаю свою работу...»

Мсье Пи мог часами, несколько уроков подряд, точно и ясно излагать тему, добиваясь, чтобы ее уяснил даже последний тупица. Неоднократное повторение его не смущало. Он давал ученикам задания длиной в две руки, заставлял снова и снова переписывать сочинения, так что по вечерам и в воскресенье они были загружены, как взрослые.

Да, Антуан Пи имел репутацию исключительно талантливого педагога, его нервная система подвергалась каждодневным испытаниям, и он свято верил, что имеет право на «мальчика для битья»! Даже директор школы мсье Авриль смотрел на художества Пи сквозь пальцы, считая приорите-

том исключительные результаты его учеников.

Итак, мсье Пи начал игру с Мартеном Деланнуа, и продолжалась она до мартовского дня, когда в конце урока каждый ученик получил конверт с указанной ценой на коллективное фото и индивидуальные снимки в виде календарей, закладок и поздравительных открыток.

В то утро Адриена Бобена и Мартена Деланнуа оставили за партами, чтобы они закончили письменную работу на тему «Склонение множественного числа». Пи отправился пить кофе и вернулся в класс к 11:00, за несколько минут до начала следующего занятия.

Он обожал подкрадываться к «наказанному» ученику и дверь открыл бесшумно, посмотрел на Мартена – тот трудился, склонив голову набок, и то и дело облизывал губы. Пи уже открыл было рот, чтобы сделать ему замечание по поводу манеры держать ручку, но тут его внимание привлек Адриен Бобен. Кудлатый молчаливый коротышка. Прилежный ученик. Такие, как правило, не привлекают к себе ненужного внимания, но этим утром Адриену не повезло – он замешкался.

Ледяная игла пронзила сердце мсье Пи. Его острый ум за долю секунды произвел анализ, и удушающая ярость в купе с извращенностью психики переключили внимание с одного ученика на другого, как будто электрическая дуга перекинулась от сидевшего в левом углу класса Деланнуа на забившегося в правый Бобена.

Адриен поднял голову и увидел тьму, плескавшуюся в глазах учителя. Из-за стекол очков на него надвигалась сумасшедшая смертоносная буря. Он сразу все понял. Отвел взгляд и вернулся к работе, но было, увы, поздно.

6 декабря 2017

Издалека доносится колокольный звон. Днем он возвещает о похоронах. Кого-то из стариков. Когда умирает или, не приведи господь, гибнет молодой человек, об этом извещает траурная колонка моей газеты. Здесь теперь живут только старики. Из двух школ, Пастера и Дантона, осталась одна, да и та неизвестно сколько продержится. Когда завод теряет рабочих, он одновременно лишается их детей. Здесь уже двадцать лет предлагалось слишком много социальных программ, было слишком много преждевременных выходов на пенсию. На заводе автозапчастей *Magellan* в 1980 году трудились три миллиона рабочих, а в 2017-м осталось триста сорок человек. Смертельный удар был нанесен в 2003 году, когда продали, а через несколько лет перевели в другое место транспортную компанию «Дамамм».

Дождь льет на мою липу.

Я редактирую рукопись и жду новостей о вытащенной со дна озера машине. Ее увезли в Отён. Сыщики не дали мне подойти близко, и я несколько раз издалека щелкнула проржавевший остов. Сегодня утром газета поместила коротенькую заметку об этом деле, но, если в салоне обнаружат одно или несколько тел, историю переместят на первую полосу. У меня создалось впечатление, что полиция морочит

журналистам голову: по данным одного информатора, в кабине найден скелет.

Не могу не думать о Клотильде Марэ. Только что, перебирая фотографии, я узнала ее на коллективном снимке нашего 6-го класса *СМ2*. В марте 1987-го ей было одиннадцать лет. Надо же, совсем забыла, что Кло училась с нами. До чего же странно – и неприятно – снова увидеть ее детское лицо! В витринах торговых лавок долго висели листовки «Пропал человек!» с фотографией Клотильды, но в вечер ее исчезновения некий свидетель видел девушку на вокзале, и все решило, что она просто уехала, «забыв» оставить адрес.

На снимке есть папаша Пи в серой блузе, три Б, локоть к локтю, – Больё, Бо, Бобен – и я, во втором ряду, четвертая слева. Призрачно-прозрачная.

В «год Пи» Нина, Этьен и Адриен встречались перед школой Пастера за десять минут до начала уроков. Других товарищей у них не было, и они держались вместе, как щенки из одного помета, хоть и совсем не похожие друг на друга ни внешне, ни отношением к жизни.

В одиннадцать лет большинство девочек общаются с девочками, а мальчишки водят «мужскую» компанию.

Нина ложилась спать поздно и потому часто чувствовала себя усталой. Говорили, что она помогает деду разбирать корреспонденцию, которую он должен будет доставить по адресам, но это не соответствовало действительности – письма и посылки сортируют вручную на почте каждое утро. Паль-

цы Нины всегда были серыми от угольного карандаша, она не могла отмыть их даже жесткой щеткой и хозяйственным мылом.

Мне ужасно нравились мешки под глазами Нины, я им даже завидовала, они придавали ей серьезный вид. Я бы с радостью украла эти отметины, мне хотелось забрать у нее все. Носик, походку, посадку головы, улыбку.

Девочкой Нина походила на Одри Хепбёрн. Позже сходство не исчезло, но она стала грустной Одри. Впрочем, в глубине глаз знаменитой актрисы пряталась тень меланхоличности, а в Нининых обитал мрак. Никто не знал ее отца, но кое-кто называл его уроженцем то ли Северной Африки, то ли Южной Италии. У рыжеволосой матери Нины глаза были зеленые, а у девочки такие черные, что зрачки сливались с радужкой.

Три Б ходили в школу пешком, на скейтах Этьен с Адриеном катались по вечерам, во второй половине дня по средам и на каникулах.

Нина с дедом жили в рабочем предместье, в одном из жмущихся друг к другу, похожих как близнецы кирпичных домов с клочком земли под сад-огород на задах, который кормил целую семью, а в урожайный год еще и «безземельных» соседей.

Адриен и его мать Жозефина обитали в трехкомнатной квартире на четвертом (и последнем) этаже здания 60-х годов.

Этьен, его родители и младшая сестра Луиза роскошествовали в красивом доме, окруженном столетними деревьями. Его старший брат Поль-Эмиль уехал учиться в Дижон.

Нину воспитывал старик.

Отец Этьена был стариком.

Отец Адриена блистательно отсутствовал, матери исполнилось шестьдесят восемь, она без конца курила сигареты и слушала «Скажи, что это не так, Джо» Мюррея Хеда¹⁰, когда мыла окна в своей столовой.

Троица жила на приблизительно одинаковом расстоянии от школы (плюс-минус двести метров). У них была общая заветная мечта: повзрослеть и уехать жить в большой город со светофорами на каждом углу, шумный, яростный, полный эскалаторов и сверкающих витрин. И чтобы всюду горели огни – даже ночью, а по тротуарам ходили незнакомцы, чужие люди, о которых нельзя посудачить.

Все свободное время трое проводили вместе, в том числе на переменах и в столовой. Их смешили одни и те же вещи. Они любили взять телефонный справочник, выбрать наугад страницу, набрать номер и сделать заказ, изменив голос. Смотрели «Магнума»¹¹ и «Славу»¹², закрыв двери, став-

---

¹⁰ Say It Ain't So, Джо (англ.) – песня, написанная и исполненная в 1975 г. британским актером и певцом Мюрреем Хедом (род. в 1946).

¹¹ «Частный детектив Магнум» – американский детективный телесериал 1980-х гг.

¹² «Слава» – музыкальная драма (1980), режиссер Алан Паркер.

ни и объедаясь конфетами. Бились в «Умника»¹³ и «Морской бой». Читали вслух комиксы о Тинтине и «Альманах странного», лежа на кровати Нины. «Готово...» – произносили в унисон мальчики, и Нина переворачивала страницу.

Они обожали пугаться, рассказывали страшные истории, подбрасывали шарики-вонючки в проходы в супермаркете, часами записывали себя на кассеты, изображали радиоведущих, а потом слушали и глупо хихикали. Этьен был лидером маленького сообщества, Нина – его сердцем, Адриен – верным молчаливым оруженосцем.

Их ритуалы зависели от Нининой астмы, капризные бронхи задавали ритм. Некоторые приступы могли длиться часами, не помогали даже сильные лекарства. Самые острые моменты Нина предпочитала переживать один на один со своим свистящим дыханием.

Адриен и Этьен расходились по домам. Первый читал или обдумывал их разговоры. Второй катался на скейте и смотрел по телевизору конец *Récré A2*¹⁴ вместе с малышкой Луизой.

Соединяла мальчишек Нина, без нее они не общались. «Мы – троица, только так и никак иначе!»

Ребята любили Нину, потому что она никогда никого не

---

¹³ Mastermind (*англ.*) – сложная игра-головоломка, в которой один игрок пытается угадать комбинацию, загаданную оппонентом.

¹⁴ Récré A2 (с 1978 г.) – французская детская телепрограмма, транслировавшаяся в 1970-х и 1980-х гг.

судила – в отличие от остальных обитателей Ла-Комели. Слухи и рассказы копились, их передавали по наследству. Репутация матери превратила Нину в «жалкую незаконно-рожденную малышку». Застенчивый Адриен интересовал только Нину, она считала его умным и загадочным. Мать Адриена Жозефина Симони носила длинные, в пол, юбки и работала в муниципальном детском саду. Отца у него не было. Парочку сын-мамаша называли хиппи. Этьена многие ученики презирали – как «сынка добропорядочных граждан». Ла-Комель не знала смешений, здесь жили по принципу «салфетки – к салфеткам, тряпки – к тряпкам». Рабочих уважали больше старших мастеров и бригадиров, к сыновьям государственных служащих относились с пренебрежением, благополучие и богатство считались почти... подозрительными.

Троица ходила в кино только вместе. Билеты они всегда брали в первый ряд, и Адриен сидел рядом с Ниной, а не сзади, как в классе. Место по ее левую руку принадлежало Этьену.

Однажды они пошли на «Манон с источника»¹⁵, и, когда влюбленный Юголен пришел ее ленту прямо к своей руке, Нина вцепилась в мальчишек и еще долго не отпускала после самоубийства героя.

---

¹⁵ «Манон с источника» – кинофильм режиссера Клода Берри (1986). Экранизация романа Марселя Паньоля. В ролях: Ив Монтан, Даниель Отёй, Эммануэль Беар и др.

Что бы там ни утверждали Адриен с Этьеном, этот фильм остался для них лучшим из лучших. На вопрос: «Твой любимый фильм?» – каждый называл «Возвращение джедая». Оба вралли.

7 декабря 2017

По четвергам я закупаюсь в супермаркете и каждый раз надеюсь – увы, тщетно – встретить там Нину. Быстренько беру продукты первой необходимости, потом спускаюсь на рыночную площадь и снова рассчитываю увидеть ее, вглядываюсь во все встречные машины и... никого не вижу. Она живет как нелегалка, затаившись.

Купив овощи-фрукты, я пью кофе на теплой террасе «Церковного бистро» и наблюдаю за людьми, катящими мимо сумки на колесиках и несущими корзинки. Пары, одинокие женщины, вдовцы.

Мне очень нравится официантка Сандрин Мартен. Она меня не узнает, хотя мы учились с ней в пятом классе. Вместе с троицей. Потом Сандрин пошла в Центр подготовки подмастерьев, там можно с нуля освоить любую рабочую профессию. В детстве у нее была странная привычка: она то и дело сплевывала на землю, но была и осталась хорошенькой, правда преждевременные морщинки и разочарованно опустившиеся вниз уголки губ говорят о том, что живет ей нелегко. Сандрин слишком много курит, и работа у нее временная. Зимой она носит шерстяные пуловеры с длинными рукавами, скрывающими татуировку – выцветшую блекло-синюю русалку на предплечье. Этой русалке не довелось

насладиться шикарной жизнью на террасах богатых особняков...

Иногда меня так и подмывает признаться: «Это я, Виржини...», но пока удается сдерживаться. Нам нечего сказать друг другу. «Дети у тебя есть?» – «Нет. А у тебя?» – «Да-двое». – «Сколько-им-лет?» – «Пятнадцать-и-восемнадцать». – «Давно-разливаешь-тут-пиво?» – «Ты-зачем-вернулась? Тут-все-умерло».

Предпочитаю, чтобы Сандрин меня не узнала. Мы обмениваемся улыбками. Она протягивает мне свежую газету. Я оставляю тридцать сантимов чаевых. Думала дать 50, но было бы многовато с 1,20 евро за чашку кофе. Привлекло бы ненужное внимание.

– До свидания.

Иногда неузнавание приносит пользу. И гарантирует покой.

По дороге домой я делаю крюк, чтобы проехать мимо моего бывшего коллежа. Он давно закрыт – из-за вредного асбеста и сквозняков, сюда много раз проникали вандалы. Сквоттеры загадили его (мягко выражаясь!) и пытались поджечь. Несколько окон забиты картоном, вокруг выросла высокая трава.

За городом построили новый коллеж – имени Жоржа Перек¹⁶, в него принимают учеников из разных населенных

---

¹⁶ Жорж Перек (1936–1982) – французский писатель, журналист, кинорежиссер, документалист и публицист. Родители – еврейские выходцы из Польши. Во

пунктов.

Сегодня утром, проезжая мимо моей *alma mater*, похожей на корабль, брошенный капитаном посреди моря позеленевшего бетона, я притормозила.

Обычно я так не поступаю – избегаю его, как Эйфелеву башню в своей прежней жизни.

Я припарковалась на обочине. Наконец-то они приступили к работе! Экскаваторы ровняют с землей коллеж Вьё-Колombe. Я десять минут наблюдала, как уничтожают мое прошлое. Все происходит со скоростью света, словно это театральные декорации, а не реальное здание с крышей и стенами, где много десятилетий подряд подростки приобретали знания.

Через несколько дней не останется ничего.

Я вспомнила, как когда-то на переменах наблюдала из окна класса на четвертом этаже за учениками, разгуливающими по двору. Смотрела и думала: «Через сто лет все они умрут». Но и вообразить не могла, что камни окажутся недолговечнее людей.

Сворачивание завода «Магеллан» и перемещение транспортной компании «Дамамма» подписали смертный приговор целым кварталам, некоторое достоинство пытаются сохранять только две главные улицы. Последние герои совре-

---

время войны большинство его родных погибли в гитлеровских лагерях, мать – в Освенциме. Впоследствии тема *исчезания* (уничтожения) станет одной из ведущих тем в творчестве Перека.

менного мира – «мелкие коммерсанты», как их называют телерепортеры, – собирают остатки сил, чтобы заставить биться сердце центра города размером с булавочную головку.

Сорная трава заполонила весь участок. Повсюду, где в моем детстве дышал целый мир, остались одни растрескавшиеся стены, захлопнутые ставни, проржавевшие таблички и тротуары, поросшие мхом.

А там, где Адриен с Этьеном катались на скейтах, теперь ничейная земля.

В понедельник, 9 марта 1987 года, Пи взялся ненавидеть Адриена, и тот начал отсчет – как узник, зачеркивающий в настенном календаре дни, оставшиеся до освобождения. Исключив вторую половину дня всех суббот, воскресенья, среды¹⁷ и праздники, до летних каникул он должен был продержаться шестьдесят один с половиной день.

Шестьдесят один с половиной раз заставить себя войти в класс на негнущихся ногах, с тяжестью в желудке. Шестьдесят один раз хватать вечером фломастер и, нажимая что было сил, «уничтожать» прожитый день в календаре пожарной части. Его страницы украшали изображения храбрецов, помогающих жертвам автокатастроф и наводнений и погорельцам. Страдания Адриена, над которым измывался учитель, были вполне сравнимы с болью этих людей.

Его задерживали в классе на каждой перемене, оставляли после уроков под предлогом плохо выученного стихотворения, небрежно написанного сочинения – текст приходилось переделывать по несколько раз. Пи заставлял Адриена снова и снова чертить прямоугольный параллелепипед, читать и перечитывать параграфы о приставках, суффиксах и порядке величины числа, а также выводить по сто раз в тетради

---

¹⁷ Во Франции школьники по средам не учатся.

фразу: «Я не предаюсь мечтам на уроке!»

С 9 марта 1987 года Адриен перестал мечтать. Он больше не созерцал затылок Нины, ее волосы, ее заколки, ее платья, ее плечи, ее спину.

Пи подстерегал, принохивался, и стоило Адриену ослабить бдительность, учитель посылал его к доске, чтобы поизобретательнее унизить перед всем классом. Тщетно.

Застенчивые люди – не слабаки и не трусы. Палачи не всегда берут над ними верх. Адриен никогда не плакал. Он смотрел учителю в глаза и ухитрялся отвечать на вопросы, какими бы непонятными и вредными они ни были, а Мартену Деланнуа, первому козлу отпущения этого года, легче дышалось. Он так до конца и не поверил в чудо, в то, что гроза прошла стороной.

Вечером Нина и Этьен ждали Адриена, сидя на бровке тротуара, как две неприкаянных души. Они провожали друга до дома, а у него болело все тело, мышцы ныли от перенесенных судорог.

Нина все время спрашивала:

– Почему он к тебе прицепился?

Адриен неизменно отвечал:

– Когда-нибудь я тебе объясню.

– Объяснишь что?

Адриен замыкался и не реагировал.

Этьен предлагал проколоть шины папаше Пи или набросать в его почтовый ящик собачьих какашек. «Я знаю, где

он живет...» Адриен отказывался. Пи догадается, и станет только хуже.

Во сне он плакал и просыпался на мокрой наволочке.

Они больше не читали «хором» одну книгу в комнате Нины и не включали телевизор, как будто герои любимых сериалов внезапно скончались в страшных муках.

– Нам нужны наши среды на свежем воздухе...

– Нам необходима наша жизнь на свежем воздухе! Раньше все было так хорошо...

– Один раз я видела *его* в городе, он прячет жирный зад под длинной учительской блузой.

Все трое то и дело повторяли: «Скорее бы лето!»

Походы в кино стали редкими – угнетенное настроение не способствовало, – но места они занимали по заведенному раз и навсегда порядку: Нина в середине, Этьен слева, Адриен справа.

Они вместе открыли для себя «Большую дорогу» Жана-Лу Юбера¹⁸. В тот день Адриен понял, что от тяжелой повседневности можно укрыться в произведении искусства.

* * *

4 мая 1987 года Пи обнаружил «недостачу» письменных

---

¹⁸ Большая дорога (1987) – драма Жана-Лу Юбера и название затерянной в полях автобусной остановки на дороге в Нант, где выйдут девятилетний Луи и его мама, чтобы отправиться пешком до ближайшей деревни.

работ для проверки в своем портфеле, накинулся на Адриена и устроил ему выволочку, обвинив в краже. Нина и Этьен вскочили, собираясь вмешаться, но друг усмирил их одним-единственным взглядом.

Дома Жозефине показалось, что сын очень бледен. Что у него отсутствующий вид. Озабоченный. Она попыталась разговорить мальчика, но у нее не получилось. После ужина Жозефина позвонила Нине и спросила, не случилось ли чего в школе, но та все отрицала: «Нет-нет, не волнуйтесь, все в порядке!»

Ночью Адриена начало трясти, поднялась температура. Пришедший утром доктор диагностировал бронхит, который, к несчастью, перешел в воспаление легких. На несколько дней его даже положили в больницу, и он три недели не ходил в школу. Нина и Этьен каждый вечер навещали друга и приносили ему уже выполненные домашние задания.

Жозефина – теперь она курила только на балконе – подогревала ребятам полдник, и они съедали его, сидя за пластиковым столиком.

Волосы матери Адриена когда-то были белокурыми, но теперь утратили блеск и пожелтели, кое-где в них пробивалась седина. Она немного напоминала грызуна, но черты лица остались тонкими и плавными, а кроткий взгляд выражал неверие в счастливый исход дела.

Побыв любовницей отца Адриена, больше она романов не заводила. Он был женат, разводиться не собирался и потому

вел себя крайне осторожно, чтобы не дай бог не засветиться. Когда Жозефина сообщила ему, что ждет ребенка, он не выказал ни гнева, ни злости, ни радости и ушел, не предупредив, что не вернется. В тот день Жозефина пекла яблочный пирог, руки у нее были в масле и муке, и она не сразу поняла, что он протягивает ей чек, а увидев сумму, поставила жирное пятно прямо на подпись.

Сильвен Бобен встретился с Жозефиной еще один раз, явившись, чтобы признать ребенка. Она разлюбила его, но не нашла в себе сил сказать, что в этом нет необходимости. Когда-то этот мужчина вызывал у нее желание, но обидные слова и трусливое поведение все изменили. Жозефина сказала Сильвену: «Подойди поближе к кровати...» Он не пожелал.

Время от времени Сильвен появлялся. Как инспектор общественных работ. Или надзирающий офицер полиции. Он, конечно, звонил, чтобы предупредить о своем приходе, но на большее его «воспитанности» не хватало. Мсье Бобен осматривал квартиру, проверял, не облупилась ли краска на стенах, не текут ли трубы, интересовался школьными успехами Адриена, оставлял на столике в гостиной очередную чек и удалялся. В мире с собой.

Жозефина позвонила ему, когда Адриена забрали в больницу. Впервые за одиннадцать лет. Сильвен Бобен был за границей, и она оставила сообщение на гостиничном номере телефона. Он перезвонил. Слышимость была неважная,

в трубке раздавался треск, и разговор состоялся короткий. Жозефина успокоила Симона, объяснила: «Я просто очень испугалась, врач сказал, что бронхит перешел в воспаление легких, но теперь мальчику намного лучше!»

Матери Адриена нравились новые друзья сына, особенно Нина. Она всегда хотела иметь дочь, девочку-куколку с карими глазами, похожими на звездочки. «И чтобы они всегда блестяли...» – думала женщина.

Сделав домашние задания, Нина обнимала Адриена, Этьен хлопал его по спине, произносил как заклинание: «Скоро лето», и они расходились по домам.

Адриен выздоровел, вернулся в школу и продолжил зачеркивать дни, остававшиеся до Избавления. За вычетом дня Вознесения Господня, Духова дня, сред, второй половины дня суббот и всех воскресений оставался тридцать один с половиной день.

Адриен где-то вычитал, что человек с *необузданным темпераментом* способен совершить сверхчеловеческое усилие. Такие усилия он совершал, когда вставал утром, пил горячее молоко, одевался, покидал дом, входил во двор школы Пастера, тащился по крытой галерее, преодолевал шесть ступенек, оставлял куртку на вешалке, садился за свою парту, вдыхал запах Зла – одеколону, пропитавшего серую учительскую блузу, и смотрел на мсье Пи.

Ему казалось нестерпимым не иметь отца, который в случае несчастья брал бы его за руку и говорил: «Можешь быть

спокоен, сынок, ты под моей защитой!»

В первый после болезни день в классе даже присутствие рядом Нины и Этьена не помогло утишить его бешено колотившееся сердце. Желудок скрутило. Горло опухло. Он только что не подвывал, как побитая собака.

Адриен решил, что заразился от Нины астмой, иначе как объяснить затрудненное сиплое дыхание?

Учитель одарил его улыбочкой, заговорил медоточивым тоном. К доске он Адриена не вызывал, в классе не задерживал – ни на перемене, ни после уроков.

Мсье Пи испугался. Впервые за всю его профессиональную карьеру один из козликов отпущения заболел прежде, чем он успел сбавить обороты.

Неделя шла за неделей, Адриен получал хорошие отметки за домашние задания, учитель писал красной ручкой на полях справа ободряющие ремарки: «Очень хорошо, отличная работа, серьезный ученик...»

Как-то раз, июньским вечером, Адриен остался в классе по собственной инициативе, а Пи работал в своем кабинете. Ученики должны были получить двенадцативольтный ток, приклеив к каждой лопасти вентилятора по магниту и подсоединив его к трансформатору с помощью двух любстровых зажимов. Адриен очень увлекся, выкрасил в белый цвет деревянную досочку и закрепил на ней три лампочки разных цветов. К шести вечера он не успел, и Пи, спешивший уйти, предложил ему закончить работу дома.

Прилежный ученик трудился все выходные, меняя силу тока с помощью прерывателя, и заморозил Нину.

– Ты – суперумник!

– Это физика, а никакой не ум.

– Не вижу разницы.

В понедельник утром, подойдя к двери класса, Адриен, Нина и Этьен увидели, что их ждет директор. Вид у мсье Авриля был очень серьезный. Он велел им занять места за партами, достать учебники по грамматике и молча повторять правила.

Пи отсутствовал. Такое случилось впервые в жизни.

Ребята молча переглядывались, потом кто-то не выдержал, поднял руку и осмелился задать вопрос:

– А где мсье Пи?

– В моем кабинете, – ответил директор.

Его слова были встречены гулом разочарования. Каждому хотелось пойти домой, покататься на велосипеде, поиграть в настольные игры, посмотреть телевизор, пусть по понедельникам и не было молодежных программ.

Увы – мсье Пи не похитили, он не заболел, не умер, и занятия будут.

Мсье Авриль нашел взглядом Адриена и сказал:

– Адриен Бобен, изволь пойти со мной.

Несчастный поднялся, чувствуя себя *невинно обвиненным невесть в чем*, испуганно взглянул на Нину, потом на Этьена и последовал за директором, уныло повесив голову.

Он брел нога за ногу и разглядывал криво положенную метлахскую плитку, пытаясь ее считать. Чтобы ни о чем не думать. Раз, два, три, четыре. Дурное предзнаменование. Почему директор ведет его в кабинет, его одного?

Плохо дело...

Они вошли в секретариат – когда-то тут был один из классов, но его переделали, поставили шкафы под личные дела учеников, стол с телефоном и пишущей машинкой. За ним и сидел Пи, положив ногу на ногу. Он был не в серой блузе, а в голубой рубашке с короткими рукавами и тергалевых брюках. Адриен впервые увидел своего учителя-мучителя в гражданской одежде, он поздоровался, но мсье Пи не ответил, даже не взглянул на него и только улыбнулся директору.

– Итак, Бобен, не будем ходить вокруг да около: мсье Пи сообщил мне, что ты украл школьное оборудование.

Адриену понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать услышанное, а Пи упорно не желал встретиться с ним взглядом.

– Тебе прекрасно известно, что все материалы, которые вы используете на практических занятиях, запрещено выносить из школы... Таков наш внутренний распорядок.

Адриен онемел. Пи подставил его, заманил в ловушку. Он взял над ним верх. К глазам подступили слезы, но он проглотил их, как горькую микстуру, вцепился ногтями в свои предплечья. Ему помогла одна незначительная деталь, превратившаяся в очевидность. Адриен начал глубоко дышать,

сердце успокоилось, и он вдруг почувствовал едва уловимый, потом ставший едким острый запах пота, заполнивший комнату. Пи вонял. От него исходил запах лжи.

Вопрос мсье Авриля вывел его из задумчивости.

– Тебе что, нечего сказать в свою защиту, Бобен?

Молчание сочли за признание вины. Адриен принял назначенное наказание – каждый день, до конца учебного года, переписывать несколько страниц и сдавать директору – и не промолвил ни слова.

Перед всем классом его называли вором и подвергли остракизму – посадили одного за парту, в последнем ряду, рядом с холодной батареей, но в личном деле отметки не сделали: Адриен всегда был прилежным учеником да и «оборудование» вернул следующим же утром. Три лампочки и электрические провода. Товарной стоимости они не имели. Покарали его из принципа. Заклеймили позором.

Узнав о случившемся, Жозефина Симони решила немедленно отправиться в школу и пообещала сыну дойти до директора, чтобы снять с него подлые обвинения.

Адриен не принял материнскую защиту.

– Пи прав, я украл оборудование.

– Думаешь, я идиотка?! Зачем ты его защищаешь?

– До каникул осталось девятнадцать дней.

– Я позвоню твоему отцу!

– Нет у меня отца! Плевать он на меня хотел! Сделаешь это – сбегу! Клянусь, что сбегу, и ты меня больше не уви-

дишь! Никогда!

Жозефина сдалась. Не связалась с Сильвеном Бобенем, не пошла к директору. Она поверила сыну на слово: он и правда мог совершить отчаянный поступок и исчезнуть. Угроза была скрытой, но опасность существовала изначально. Ее мальчик никогда не был беззаботным. В его характере уживались мягкость и серьезность. Он не нуждался в напоминаниях, чтобы сесть за уроки, почистить зубы, убрать квартиру. Адриен часто радовал сердце Жозефины хрустальным смехом, он умел веселиться, особенно когда вместе с Ниной и Этьеном смотрел комедию или забавное телешоу. Впрочем, Адриен всегда приземлялся на обе ноги, обутые в ботинки 35-го размера, и твердо стоял на земле.

Адриен перестал доверять окружающим, он убедился, что в мире главенствует порок.

Тот учебный год подарил ему двух друзей и лишил прекрасноту.

8

8 декабря 2017

Кажется, у меня началась ангина. Пришлось обмотать горло шарфом. Хрупкое горло – результат жизни в одиночестве и молчании.

Сегодня не день сухого корма, но я доставляю тридцать кило к воротам собачьего приюта.

Как всегда, слышу, но не вижу псов.

Как всегда, небритый верзила забирает мешки, буркает:

– Спасибо – от *их* имени.

– Нина на месте? – спрашиваю я.

Он отвечает не сразу – как плеер, поставленный на «паузу».

Обычно я произношу только «привет», «пока» и теперь мгновенно спохватываюсь и, не дожидаясь ответа, бегу к своей машине. Он провожает меня взглядом. Я вяло машу рукой – сама не понимаю, что на меня нашло.

Чувства нахлынули...

Коллеж Вьё-Коломбье снесен с лица земли, найдена фотография класса, во сне то и дело приходит воспоминание, в котором я возвращаюсь *туда*. К Нине. Вечер похорон. Оторопь, ужас, замедленные движения, Этьен, его бледное лицо, синяки под глазами, прерывистое дыхание, а... Нина в постели с другим?

Меня неотступно преследует мысль о мертвом теле, найденном в машине из Лесного озера. Информация подтвердилась. Полицейские уже начали процедуру опознания останков. Не знаю, по какой причине мне запретили давать материал в газету, но это ужасно – я так много хотела бы сказать Нине.

* * *

Нина сидит за письменным столом и грызет колпачок ручки.

Ужасный день. Две новые собаки. Вроде бы охотничьи. Зараженные паразитами. Уже два месяца никто не «усыновлял» животных. Одна из волонтерок уволилась. К счастью, искорка надежды все-таки вспыхнула: кое-кто заинтересовался стариной Бобом. Он живет в приюте уже четыре года. Шестнадцать сезонов в тюрьме с бетонными стенами. В 15:00 на него придут посмотреть. Боб понравился гипотетическому спасителю по фотографии на сайте. Собачий тромбиноскоп, который выпускает Нина, действует не хуже сайта знакомств.

Она улыбается. Надо попробовать зарегистрироваться на сайте *Essayeunmec.com*¹⁹. Нет, ни за что, не хочет она оказаться наедине с чужаком и не будет участвовать в Парижском

---

¹⁹ Essayeunmec.com (фр.). – Попробуй парня.

тотализаторе, а в Ла-Комели чужаков нет. Она знакома со всеми своими ровесниками. Пузатые женатики с пожелтевшими от никотина зубами, пьянчужки, бывшие спортсмены, потерявшие форму и лишившиеся куража... Нина хихикает, и ей становится легче, как будто лампочка в душе зажглась. Нужно уметь улыбаться, когда ничего другого не осталось. Улыбаться и продолжать.

В кабинет заходит Кристоф, наливает себе едва теплого кофе, обмакивает в пиалу печенье.

– Дама – та, что каждый месяц привозит корм, – она вернулась. Спрашивала о тебе. Необычно... Знаешь, о ком я говорю?

Нина поднимает на него глаза, ее взгляд затуманивается, как будто она переваривает информацию.

– Да, конечно.

– Правда, что ли? Она – призрак?

Нина надевает куртку и направляется в лазарет, он расположен рядом с кошачьим отделением. Пора делать укол Орлану, кажется, у него начинается насморк. Нельзя, чтобы другие обитатели приюта заразились.

Июль 1987

– Думаешь, у меня так рано начались месячные из-за мамочки-шлюхи? – спрашивает Нина у Адриена.

– Не глупи, у матери Терезы это приключилось в десять... как у тебя.

– У матери Терезы?

– Ну да.

– Ты не врешь?

– Вот еще... Я прочел в «Науке и жизни».

Этьен с Адриеном провожают Нину в медкабинет. Они не виделись со вчерашнего дня, с того момента, как она пулей унеслась из бассейна, ничего им не объяснив.

Мальчишки катят на скейтах, Нина идет пешком, и они подстраиваются под ее темп.

Кровь не остановилась, и она записалась к доктору Лекоку, даже не подумав изменить голос или назвать чужую фамилию. Нина Бо наблюдается у семейного врача по поводу астмы, бывает на приеме регулярно, но впервые идет в кабинет без деда, и собственное непослушание выбивает ее из колеи.

– Сказала мсье Бо?

– Нет! – раздраженно бросает Нина.

– В бассейн пойдешь?

– Не могу...

– Это надолго?

– Понятия не имею... Дней шесть... Но вы сходите...

– Мы тебя одну не оставим! – возмущается Адриен.

Этьен радостно предлагает:

– Возьмем два фильма! Садовник и мадам Ранкёр в отпуске, дом только наш!

– А как же твоя сестра? – беспокоится Нина.

– Да ее никогда не бывает.

Нина просит друзей подождать на улице и не светиться рядом с кабинетом.

– Может, проводить тебя до приемной?

– Нет, я все сделаю сама.

Адриен с Этьеном вычерчивают прямые, круги и овалы на стоянке грузовиков, расположенной рядом с детским садом. Они разгоняются и прыгают, Этьен очень рискованный и к тому же способней Адриена, он все делает быстрее и как будто летает по воздуху. «Мы как учитель с учеником... – думает Адриен. – Профессионал и начинающий. Этьен великолепно владеет своим телом, таким ловким и гибким, а еще он на две головы выше!»

На скейте, в воде и на суше. Этьен сохраняет равновесие и красоту движений, его кроль безупречен.

Адриен давно усвоил фатальную истину: люди не рождаются равными. Он пытается подражать движениям Этьена, падает, отряхивает колени и локти, делает перерыв, чтобы

завязать шнурок, и вдруг чувствует спиной чей-то пристальный, остро-кинжальный взгляд. Накатывает дурнота, он оборачивается и лишается сил, как от удара ногой в живот, ему трудно дышать.

Он здесь. Метрах в трехстах от Адриена. Наблюдает. Давно? «Он что, следит за мной?!» Отвернулся, захлопнул дверцу машины и исчез в магазине садового инвентаря.

В одно мгновение стены рушатся, радость улетучивается, человек, за которым он прятался, растворяется в воздухе. Кажется, что кто-то дал ему пинка, понуждая к действию. Все обиды и унижения, пережитые в противостоянии с Пи и не смягченные слезами, рвались наружу, и Адриен побежал, бросив скейт у стенки, не обращая внимания на недоуменный оклик Этьена.

Он так резко рванул на себя тяжелую дверь, что чудом не расшиб лоб: тело отказывалось подчиняться командам мозга, ноги дергались, как под током.

Первый проход между полками – пусто. В следующем тоже никого.

Адриен ищет Пи, как гончая травленого зверя.

Какой-то служащий улыбается ему.

– Привет, малыш!

Адриен будто оглох, сердце колотится, как рыбина в сетях, стучит в ушах.

Ему чудятся запахи бумаги, клея, аммиака, мела и пота – так пахнет во всех помещениях школы.

Третий проход. *Он* здесь, приценивается к мешкам, спокойно выбирает семена для своего сада и улыбается – успел, как и каждое утро, надеть на лицо дежурную усмешечку.

Адриен до сих пор просыпается в липком поту, если увидел в ночном кошмаре улыбку Пи.

Он так стремительно бросился на учителя, что тот не успел заметить его, только почувствовал удар кулаком в лицо, детским, размером с три ранних яблочка кулаком одиннадцатилетнего мальчишки. Рука ученика заряжена яростью и тяжелой печалью, она разит как пуля.

Разбившиеся стекла очков поранили лицо, из носа течет кровь, зрение мутится. Адриен с лету наносит следующий удар – в пах, Пи сгибается пополам, а Адриен колотит его и вопит как безумный, кто-то хватает «агрессора» за плечи, пытается оттащить, он вырывается.

По магазину разносится жуткий отчаянный крик Нины:
– Адриен!

Ее лицо искажено страхом, в глазах стоят слезы, Этьен застыл с разинутым ртом, как одержимый бесами.

Адриен весь горит, по рукам бегают мурашки, ноги стали ватными. Темнота. Он лишается чувств.

В себя Адриен приходит в подсобке, здесь пахнет растениями и влажной землей. Два жандарма и три продавца не сводят с него глаз. Он слышит слова: «Мсье Пи не будет подавать жалобу... мать заплатит за очки... поверхностные повреждения... мы беспокоимся за этого ребенка... сейчас

придет врач... что на него нашло?»

У Нины начался приступ астмы, очень тяжелый, из ее груди рвутся хрипы, дыхание то и дело срывается на свистящий фальцет. Этьен не сводит глаз с Адриена, он не узнает друга. Можно подумать, рядом с мешками компоста лежит пришелец.

Адриен поранил руку, ударив по очкам Пи.

Появляется перепуганная Жозефина.

«Где Пи?» – думает виновник переполоха, придя на секунду в себя, и снова теряет сознание.

* * *

Уже несколько дней трое не ходят в бассейн и вместо этого слушают альбом U2 «*Дерево Джошуа*»²⁰, врубив звук на полную мощность. Танцуют и поют в большой гостиной дома Этьена, закрыв ставни на окнах. Без света они могут делать что хотят. Их движения несогласованны – из-за темноты, и это всех ужасно веселит. Они хохочут, как детсадовская малышня.

– *With or without you...*²¹

Эти послеполуденные приступы веселья помогают им зализывать душевные раны, нанесенные безумной выходкой Адриена. Они ни разу не заговорили о случившемся. Адри-

---

²⁰ The Joshua Tree (англ.).

²¹ С тобой или без тебя (англ.).

ен побывал на приеме у доктора, та хотела разобраться, но пациент упрямо хранил молчание. Он уже в шесть лет утра-тил веру в медицинское сообщество.

В тот день, когда Адриен отлупил Пи, доктор Лекок побеседовал с Ниной и успокоил ее насчет месячных. «Ничего из ряда вон выходящего, – заверил он девочку. – Ты на год или два опередила ровесниц, но такое бывает».

– Вы знали мою мать? – спросила Нина.

– Конечно, – ответил мсье Лекок, выслушивая через стетоскоп ее спину.

– Она тоже растеклась в десять лет?

Врач достал из ящика папку с медицинской картой Марион Бо, родившейся 3 июля 1958 года, и попытался расшифровать записи.

– Извини, Нина, времени прошло много, и я не могу разобрать собственный почерк.

Он дал девочке направление на анализ крови, произнес умные слова «прогестерон» и «гормоны», которых Нина не услышала: ее взгляд был прикован к медкарте матери. Даты консультаций отмечены красными чернилами. Доказательства реальности ее существования. Марион входила в кабинет, ложилась на кушетку, Лекок мерил ей давление, проверял рост и вес, слушал сердце.

В доме дедули Бо нет ни одной ее фотографии, Пьер уничтожил все следы присутствия дочери в жизни семьи.

Осталась только Нина.

Лекок отказался взять чек за консультацию. Он был последним в книжке деда, и Нина надеялась, что тот не скоро обнаружит пропажу. Рассказать ему о *месячных*? Ни за что!

Нина была уже в дверях, когда Лекок все-таки задал сакраментальный вопрос: «У тебя есть... приятель?» – «Конечно нет!» – возмутилась она и покраснела.

– Когда появится, приходи снова, я выпишу тебе противозачаточные таблетки.

Интересно, матери он говорил то же самое?

Из кабинета Нина вышла в сомнамбулическом состоянии, воображая ангины и простуды Марион, ее падения с велосипеда, порезы и царапины, боли в животе. Скорее бы рассказать все ребятам!

На парковке их не оказалось – они были в магазине: Этьен застыл спиной к витрине, Адриен, как бесноватый, лупил валяющегося на полу мсье Пи. Он бил учителя ногами, его красное, как смородина, лицо было изуродовано яростью, мокрые от пота волосы прилипли ко лбу.

Нина не просто испугалась, она впала в священный ужас. У нее отнимут Адриена, их разлучат – как в фильмах, заставлявших ее проливать слезы над судьбой сошедших с ума персонажей, которых запирали в кошмарных приютах. Адриен покинет ее, поступит как Марион, бросившая новорожденную дочь.

Она выкрикнула его имя.

И Адриен остановился. Отшатнулся, потрясенный видом

окровавленного Пи, и упал в обморок. Бронхи Нины отказались мгновенно, приступ астмы оказался таким свирепым, что она сдрейфила. К месту происшествия сбежались люди, Пи кое-как поднялся на ноги, стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

– *With or without you...*

Они хором горланят песню. Танцуют с закрытыми глазами, хотя в комнате темно. Это продолжается несколько дней, они едят всякую дрянь, смотрят фильмы на VHS-кассетах. Нина всегда сидит между мальчишками. Этьен втихаря совет палец.

Они решили вместе «творить музыку». Создать группу. Этьен уже бросил пианино, установил в подвале синтезатор и микрофон. Нина и Адриен станут писать тексты, а он – подбирать мелодии. Вообще-то они уже сочинили несколько фраз – слишком витиеватых, мудреных, англофонских... бессмысленных. Все трое пытаются оригинальничать, еще не зная, что очень часто самыми красивыми бывают самые простые песни.

* * *

20 июля Этьен, как и каждый год, отправляется в Сан-Рафаэль. Они разлучаются впервые со дня знакомства, если не считать времени, которое Адриен провел в больнице в Отёне после «казуса Пи».

После отъезда Этьена Нина с Адриеном, как две неприкаянные души, целыми днями бултыхаются в хлорированной воде. Они прыгают с вышки, расстилают махровую простыню на выгоревшей траве лужайки рядом с бассейном, где можно курить и есть, где взрослые целуются, не обращая внимания на изумленные взгляды десятилеток. Нина и Адриен всегда устраиваются под одним и тем же деревом, ложатся на спину и мысленно рисуют на небе картинки, а потом угадывают, что задумал другой. Они по очереди слушают один плеер на двоих, каждый, надевая наушники, меняет кассеты. Адриен предпочитает *Niagara*²², Нина – Милен Фармер.

– Ты уже кого-нибудь целовал? – спрашивает она.

– В губы?

– Да.

– С языком?

– Да.

– Сдурела? Мне всего одиннадцать... А ты?

– Аналогично...

– По-моему, это мерзость и гадость, кажется...

Ко второй половине дня их глаза краснеют от воды и солнца, и Адриен провожает Нину домой, где их встречают кошки и собака Паола. У Пьера Бо сиеста, он всегда придавливает часок, перед тем как отправиться на почту и сдать недо-

---

²² *Niagara* – поп-рок-группа, популярная во Франции и Канаде во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.

ставленные отправления.

Нина ведет Адриена в комнату без окон в глубине коридора.

– Не трусь, дед спит... Покажу тебе кое-что, но ты поклянешься моим здоровьем, что будешь молчать. Даже Этьену не скажешь.

Адриен дает слово.

На старом верстаке лежат три кожаных конверта. Нина открывает один из них, переворачивает. В помещении жарко, пахнет воском и пылью. Десятки писем и открыток с морскими видами рассыпаются по полу. Нина может часами разглядывать эти пейзажи. На обороте по большей части стереотипные слова: «Погода прекрасная, все хорошо, целую вас». Нине кажется, что там, где море, все всегда в порядке и плохой погоды не бывает.

– Пока дед дрыхнет, я утаскиваю несколько штук и... иногда читаю.

– Зачем?

– Ну, чтобы прочесть.

– Пьер в курсе?

– Ты рехнулся?! Нет, он ни разу не заметил – я сразу кладу их на место. Хочешь попробовать?

Адриен прикидывается тупицей.

– Попробовать что?

Нина берет пачку конвертов, разворачивает веером и выбирает несколько штук с адресами, написанными от руки.

Счета и официальные бумаги ее не интересуют. Она протягивает «веер» Адриену.

– Закрой глаза и выбери наугад.

Он подчиняется, вытаскивает конверт, как фокусник карту. Нина выхватывает у него письмо и оказывается у двери прежде, чем он успевает открыть глаза.

– Пошли в мою комнату?

Она включает небольшой чайник, стоящий на прикроватной тумбочке, через несколько секунд подносит конверт к пару, вскрывает его и отдает письмо Адриену.

– Давай, читай вслух.

Адриену кажется, что он участвует в афере века, и он уже видит себя в исправительной колонии, где над младшими детьми издеваются типы похуже Пи. «Теперь я не только псих, избивший своего учителя, но и мошенник, читающий чужие письма». Сердце у него колотится как сумасшедшее, дыхание сбивается, он дрожит и крепко сжимает листок в побелевших пальцах. «Только бы Нина не заметила!»

Текст написан фиолетовыми чернилами, почерк изящный и нервный. Судорожно вздохнув, Адриен начинает читать:

«Мои дорогие дети!

Альпы шлют вам привет. Погода стоит прекрасная, хотя вечерами свежо. В дождь мы мерзнем, но в июле он, слава богу, редкость.

Мое лечение идет успешно, врачи хотят, чтобы я провела в санатории еще несколько недель. Надеюсь, что успею

вернуться к началу учебного года. Вы ведь слушаетесь папу, правда?

Милый мой малыш Лео, ты повторяешь правила орфографии? Сибилла, детка, тебе нравится в летнем лагере? Воспитательницы милые?

Передайте папе, что я люблю его всем сердцем и очень скоро поправлюсь.

Мама».

Адриен возвращает письмо Нине, обратившейся в слух.

– Моя мать никогда мне не писала... – говорит она.

– Ты знаешь, где она живет?

– Нет.

– Ты что, никогда ее не видела?

– Ну почему, видела. Она много раз возвращалась. Наверняка клянчила деньги у деда. Последний раз она явилась в 1981-м. Мне было пять лет.

– И ты это помнишь?

– Кое-что. Мелочи. От нее пахло пачулиями.

– Как ее зовут?

– Марион.

– Кем она работает?

– Без понятия...

– Почему ты называешь ее шлюхой?

Нина пожимает плечами.

– А твой отец? Кто он?

– Не знаю.

– Но дед знает?

– Похоже, что нет... А твой отец, Адриен, какой он?

– Женатый... Живет в Париже.

– Вы с ним видитесь?

– Редко... От него пахнет хлорофиллом... И он вечно жу-
ет гадкую жвачку. Ненавижу этот запах. Иногда он водит ме-
ня в ресторан... Это просто ужас, нам нечего друг другу ска-
зать. Я жду десерта и задаю вопросы, которые придумываю
накануне встречи. Иначе была бы не беседа, а сплошные па-
узы.

– Думаешь, у него есть другие дети?

– Понятия не имею.

– Может, у тебя есть сестра или брат.

– Может, и так.

– Он никогда тебе о них не рассказывал?

– Ни разу.

Снизу, от лестницы, раздался низкий голос Пьера Бо:

– Нина! Что ты там забыла?

Ребята подскочили от испуга. Нина молниеносным дви-
жением спрятала конверт под подушкой.

Адриен подхватил скейт под мышку и спустился поздо-
рваться со стариком. Тот кивнул в ответ и произнес, очень
серьезно:

– Мне нужно с тобой побеседовать.

Адриену стало не по себе, он решил, что дед Нины возна-
мерился отругать его за стычку с Пи. Он шел следом за ним

на кухню и больше всего на свете боялся, что Пьер запретит ему общаться со своей внучкой. Это немыслимо, неприемлемо, невозможно!

Нина – свет очей Адриена. Вроде как сестра и в то же время *не* сестра, потому что они сами друг друга выбрали. Нина – очевидная несомненность Адриена. И плевать, что она ходит в мужской туалет (в женском всегда очередь!), крадет и читает чужие письма.

Пьер Бо закрыл за Адриеном дверь и несколько секунд молча смотрел на него. Нина совсем не похожа на деда – у старика серо-голубые глаза. Цвета линялого белья, на которое часто ругается мать Адриена, достав его из стиральной машины. Кожа у Пьера сильно загорелая, дубленая, как куртка Стива Маккуина на любимом постере Адриена. Езда на велосипеде делает свое дело. Старик хмурит лоб, вид у него очень серьезный, и у Адриена пересыхает рот. Еще чуть-чуть – и он почувствует себя как у доски в классе учителя Пи.

– Собираюсь купить подарок Нине на день рождения и решил с тобой посоветоваться... Мольберт и краски ей понравятся, как думаешь?

Адриен так изумился, что ответил с задержкой:

– Да.

– Точно?

– Мне так кажется.

– Тебе кажется или ты уверен? Она все рисует черным, вот я и подумал: может, краски разных цветов помогут ей

увидеть мир по-другому?

10 декабря 2017

*Не удержишь
В ладонях пену
Таёт жизнь
Как горит свеча
Ты еще можешь выбрать дорогу
Можешь собственную повстречать
Только вряд ли.
Тоньше струйки соли сквозь пальцы
Легче перышка ты летишь
И по воле своей иль рока
Без печали, сомнений и горечи
Ты идешь вперед со всем миром
Чтобы вместе со всеми уйти.*

Вчера хоронили Джонни Холлидея²³.

Сестра Эммануэль, Мари Трентињян, Нельсон Мандела,
Кабю, Волински²⁴.

---

²³ Джонни Холлидей, настоящее имя Жан-Филипп Лео Смет (1943–2017) – французский рок-певец, композитор и актер кино.

²⁴ Сестра Эммануэль (1908–2008) – религиозный деятель, посвятила свою жизнь помощи бедным и бездомным; Мари Трентињян (1962–2003) – французская актриса; Нельсон Мандела (1918–2013) – президент ЮАР (1994–1999), один из самых известных борцов за права человека в период апартеида, 27 лет

На что Нина, Адриен и Этьен потратили все эти годы молчания?

Троица не пела со Стромаем²⁵, не аплодировала Роджеру Федереру²⁶, не смотрела фильм «Амели», не оплакивала Майкла Джексона, Принца²⁷, Алена Башунга²⁸ и Дэвида Боуи.

«Слышал новости? Я только что узнал». Много проговариваешь один раз и забываешь, выйдя за дверь.

Мужчина убил детей на школьном дворе. Разгромлен концертный зал. Ужас. Услышав подобное, нам бы следовало набрать номер телефона, спросить, все ли в порядке у близких и друзей, забыв о прошлых раздорах.

Нина, Адриен и Этьен разговаривали друг с другом тысячу лет назад. Мне хочется сообщить им, что завтра прокурор Макона созывает всех-всех-всех журналистов на пресс-конференцию по поводу дела о «машине из озера».

провел в тюрьме; Жан Морис Жюль Кабю, известный под псевдонимом Кабю (1938–2015), и Жорж Давид Волински (1934–2015) – французские карикатуристы, сотрудники парижского сатирического журнала *Charlie Hebdo*. Оба убиты 7 января 2015 г. во время нападения на редакцию террористов.

²⁵ Поль Ван Авер (род. в 1985), более известный как Stromae – бельгийский певец, рэпер, музыкант и автор песен.

²⁶ Роджер Федерер (род. в 1981) – швейцарский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира в одиночном разряде.

²⁷ Принц Роджерс Нельсон (1958–2016) – американский певец, автор песен, продюсер, актер и режиссер.

²⁸ Аллен Башунг (1947–2009) – французский певец, композитор и актер.

Я хотела бы, но не могу. Давняя песня Франсуазы Арди²⁹.

Я хочу, я не могу...

Но если однажды решишь, что любишь,

Не жди ни дня, ни недели...

Пора ложиться спать, но я тяну время, слушая музыку, встаю и начинаю подпевать, воображая, что стою в центре арены стадиона, например Уэмбли.

Чокнутая на всю голову.

На улице давно стемнело.

Я дома одна. Само собой разумеется. *Tu l'as voulu...*³⁰

---

²⁹ Франсуаза Мадлен Арди (род. в 1944) – французская певица, актриса и астролог.

³⁰ Ты этого хотела (*фр.*).

Сентябрь 1987

В первый учебный день в шестом классе они вместе пришли в коллеж Вьё-Коломбье.

Листок с распределением учеников по параллелям висел на пробковой доске. Они скрестили пальцы (на всякий случай!) и подошли удостовериться. Только бы не разлучаться!

Приговор немилосерден: Нина Бо и Адриен Бобен – 6 А, Этьен Больё – 6 С.

Увидев свою фамилию среди других, незнакомых, он почувствовал себя изгоем. Хотелось завывать в голос, разразиться рыданиями.

Адриен обратился в камень: он не желает верить в случившееся, но не может избавиться от подленькой мысли: «Нина будет принадлежать только мне! Целый год!»

Нина торопливо утирает рукавом новой куртки слезы ярости и разочарования. Нельзя позориться в первый же день на новом месте! Она приказывает бронхам уняться: *«Никаких приступов сегодня, слышишь, тело?! Я тебе запрещаю, запрещаю, запрещаю...»*

Нина надела толстовку, джинсы с прорехами и белоснежные кеды, на спине у нее ранец – почти пустой.

Этьен снимает свитер. Слишком теплый. Он оделся не по погоде. Убирает волосы со лба. Опускает голову. У него иде-

альный профиль – Нина могла бы рисовать его жизнь напролет. Этьен переходит из детства в отрочество, и между его лицом и телом возникла дихотомия. Он высокий, крепкий, спортивный, а черты лица только что не девичьи. Еще одно забавное несоответствие – классический стиль в одежде и значок панк-рок-группы *Bérurier Noir*³¹ на джинсовом рюкзаке.

Адриен приглядывается к будущим соученикам: все намного крупнее его, а кое-кто из третьеклассников вымахал аж до метра восьмидесяти. На огромном пространстве двора он чувствует себя муравьем, вырядившимся в джинсы, белые кеды и черную кожанку, подарок «предка». Куртка куплена по его наводке: он вырезал из журнала фотографию Дейва Гаана – солиста *Depeche Mode* – и послал отцу с припиской: «Хочу такую же в подарок к началу учебного года. Спасибо...»

Он смотрит на здание коллежа со множеством окон, на каждом корпусе выбито имя поэта: Превер, Бодлер, Верлен, Гюго. Женских, кстати, нет, возможно потому, что они сами по себе – воплощенная поэзия.

Адриен оборачивается, бросает взгляд на Нину. Все верно, любая женщина – беззвучная поэма.

Все остальные ученики расходятся по классам.

Трое друзей застыли перед доской объявлений и как будто ждут чуда. Вот сейчас появится человек и скажет: «Оши-

---

³¹ Французская панк-группа, основанная в Париже в 1983 г.

бочка вышла, будете в одном классе...»

– Ладно, я пошел, – небрежно бросает Этьен. – Встретимся на перемене, у столовой... Подождете меня, если что...

Он поворачивается спиной к Нине и Адриену и больно прикусывает щеку. «Проклятый список. Только бы не разреваться при всех! – Ему нужно в корпус Гюго, в аудиторию № 12. – Черт, опаздываю...» Этьен сглатывает кровь.

Классная – уродливая дылда в очках, скособоченная жертва сколиоза – будет вести у него английский. У такой не забалуешь, она сразу объясняет, что к чему и почему:

– Мне платят и будут до пенсии платить жалованье за преподавание. Если намерены работать, будем жить дружно. В противном случае займите места в задних рядах и дышите спокойно. Отныне вы – не моя забота.

Итак, начнем... Первым делом следует найти хорошую ученицу. Прилежных девчонок сразу видно по серьезному лицу, по манере держаться, даже по одежде. Этьен садится рядом с выбранной кандидаткой. Она кажется ему знакомой, наверное, они вместе учились в подготовительном классе. Девочка улыбается. Все девчонки улыбаются. Да, точно, ее зовут Эдвиж Томассен. Умница. Он может списывать у нее во время контрольных и экзаменов. Нужно будет повторить маневр на всех занятиях. Постараться приклеиться к Эдвиж намертво.

Этьен всегда дурил голову матери, изображая прилежного ученика, а сам мошенничал. Арсен Люпен, король прогуль-

щиков, вот он кто. В прошлом году ему было совсем легко – он «доил» Нину, а годом раньше – Орельена Биссе. Уже в детском саду Этьен присваивал рисунки соседа по парте. И дело не в том, что он сам ни на что не годится, ему просто не хватает прилежания и увлеченности, не то что на скейте или за синтезатором.

Теннис он бросил. Сослался на слишком плотное расписание занятий в коллеже. «Время остается только на музыку...»

Сколько раз отец внушал Этьену: «Бери пример с брата!» Марк Больё, одержимый идеей соревновательности, твердил: «Хочешь стать лучшим, золотым медалистом, работай как каторжник!»

Луиза, младшая сестра Этьена, пошла по стопам первенца семьи Поля-Эмиля, а «номер второй» получился таким середнячком и отпетым бездельником.

Сколиозницу зовут мадам Комелло, она несколько раз произносит свое имя по слогам – для непонятливых. Интересно, чем сейчас заняты Нина с Адриеном, кто достался им в преподаватели? Неужели страхолюдина вроде Комелло? Они сейчас рядом друг с другом. Они вместе. Сидят за одной партой, если, конечно, не опоздали и не явились к шапочному разбору. Втайне Этьену этого хочется, и он в наказание щиплет себя за ладонь. «Боже, если Ты существуешь, сделай так, чтобы Нина и Адриен оказались в разных рядах! Во имя справедливости! Когда мы снова воссоединимся, бу-

дем на равных».

Занятия следуют одно за другим, и до ланча они несколько раз встречаются в коридорах. Этьен чувствует себя как малыш, который бросает последний тоскующий взгляд на родителей, прежде чем сесть в автобус и отправиться в летний лагерь. Он потерялся, утратил ориентиры и не хочет ничего ни с кем обсуждать. Незачем смешиваться с массой.

В полдень они сходятся в столовой. Ждут друг друга у стола с подносами, по очереди наполняют тарелки. Сравнивают расписания.

Ура, в ближайшие дни многое совпадает!

После пяти вечера жизнь входит в привычную колею. Они идут к Нине либо к Адриену, слушают депешмодовскую *«Больше никогда меня не подводи»*³² и пьют горячий шоколад, потом устраиваются за столом и начинают заниматься. Или делают вид, что занимаются. Такой способ они придумали, чтобы не расставаться после коллежа. Если заниматься усердно, к ним станут относиться серьезно. Если заработают хорошие оценки, дойдут до бакалавриата вместе и устроят так, чтобы сдавать один и тот же экзамен, значит, в лицее в любом случае окажутся в одном и том же списке.

Этьен ждет, когда Адриен или Нина закончат работу, и переписывает все в свои тетради. Заменяет разве что несколько слов.

Он сидит рядом с друзьями и читает комиксы или

---

³² Never Let Me Down Again (англ.).

*Rock&Folk*³³. В домах друзей Этьен всегда садится так, чтобы оказаться напротив двери в комнату, и никогда не поворачивается к ней спиной. Таким образом, если возвращается Жозефина или почтальон, он успевает склониться над тетрадкой или учебником.

Ни Нина, ни Адриен не упрекают друга за лень, они словно бы платят по`дать за его несправедливую участь, понимая, каково это – оказаться в другом классе. На всякий случай Нина каждый раз велит ему прочесть и вникнуть, «а то мало ли что...».

– В каком смысле? – интересуется он.

– В прямом, – неизменно отвечает Нина, – я могу умереть во время приступа астмы, а ты останешься невеждой.

Иногда их классы грузятся в школьный автобус, и они едут на экскурсию в замок или аббатство. Этьен приходит заранее, чтобы занять три места рядом в последнем ряду. Никто не протестует – не хотят связываться с крепышом. Дорога редко занимает больше часа, но никто не отнимет у них эти шестьдесят минут.

Он воистину несносен для Этьена, этот год за пределами «священного треугольника».

---

³³ *Rock&Folk* – известный французский журнал популярной музыки, основанный в 1966 г. и выходящий в парижском пригороде Клиши.

9 июня 1988

Мучения закончатся через несколько недель.

Они открывают для себя третий альбом группы *Indochine*³⁴ на празднике по случаю двенадцатого дня рождения Этьена.

Человек тридцать подростков расселись на роскошных белых кожаных диванах, которые Мари-Лор Больё от греха прикрыла простынями. Учащиеся шестого и пятого классов пока что не решаются танцевать. Девочки жмутся друг к другу, мальчики сбились в кучу. Они сейчас отталкиваются, как вода и масло, но очень скоро все изменится.

Этьен раздал приглашения ребятам из разных классов, чтобы рассеять идиотские подозрения родителей насчет неразлучной тройцы. Он случайно подслушал, как отец высказался о его дружбе с Ниной и Адриеном: «В их отношениях есть что-то нездоровое...»

Что значит нездоровое? Этьен проконсультировался с Ларуссом, но понял не все, он вообще редко дочитывает текст до конца, а со словарем и пытаться бы не стал, вот и нашел простое решение. Пусть теперь отец заткнется насчет «нездоровья»!

---

³⁴ «Индокитай» (*фр.*) – французская музыкальная группа (1981), исполняет песни в жанрах рок и новая волна.

Луиза, младшая сестра Этьена, очень на него похожа – та же белая кожа, те же голубые глаза, нос и рот. Ей одиннадцать, и на вечеринке она сидит в углу и не высовывается. Раньше Этьен воображал, что он не сын Марка, потому тот его и не любит, что мать согрешила между старшим сыном и младшей дочерью, но теперь, глядя на Луизу, понимает, что ошибался: вряд ли их мамаша вляпалась дважды с одним и тем же мужиком.

*Но три ночи в неделю
Мы спим, прижавшись друг к другу,
И я с ней...*

Натан Робер принес, спрятав под курткой, бутылку виски и теперь наливает по глотку в каждый пластиковый стаканчик. Большинство впервые пробуют спиртное.

Надеж Солер из 6 Б (она очень нравится Нине, потому что все время улыбается) спрашивает:

– Ты с Адриеном или с Этьеном?

– В каком смысле?

– Ты с ними целуешься? Вы тискаетесь? Как *это* получается втроем?

Нина ошеломлена вопросами.

– Да ты что... Ничего подобного не было... Мы этим не занимаемся.

Надеж явно не верит словам Нины, но ей все равно. Она идет танцевать. Несколько девчонок следуют ее примеру.

Все напевают: *Such a shame...*³⁵

Нина отказалась пробовать виски с Натаном, но теперь наливают немножко в стакан с кока-колой, делает глоток – и находит вкус отвратительным. Таким же противным, как то вино, что она один раз допила из стакана деда. Все-таки алкоголь – ужасная мерзость!

Она наблюдает за танцующим Этьеном. Он хорошо двигается и выглядит красавчиком, все девчонки на него пялятся. Кто не скрываясь, кто исподтишка. Сам Этьен как будто отсутствует, в этом году он вообще не выглядит счастливым. Наверняка из-за того, что их разделили.

Почему они так любят друг друга? Она выйдет замуж за одного из них, когда они вырастут? Да никогда! Они ковыряют в зубах, не стесняясь друг друга, не запираются в туалете, не комплексуют, если сталкиваются утром неумытыми. Прижигают прыщи и лечат болячки друг другу, могут запросто сказать: «Ты воняешь, иди почисти зубы...», «Ненавижу эти твои шмотки», «Тебе пора выщипать усики, ты же не бородатая женщина!»... Их манера разговора и реакции типичны для супружеской пары со стажем, они ревнуют, если один из троицы «смотрит на сторону». Нина знает, что она соединительное звено, но никак не возлюбленная. Ни для Этьена, ни для Адриена. Первый считает ее сестрой, второй – идеальным недостижимым существом.

От слов Надеж и виски у Нины кружится голова. «Ты с ни-

---

³⁵ Какая досада (*англ.*) – сингл британской группы *Talk Talk*.

ми целуешься? Вы тискаетесь? Как это получается втроем?» Она вспоминает «урок» Этьена, продемонстрировавшего им с помощью пальцев и языка, что они должны будут делать в тот день, когда влюбятся и решатся на тактильный контакт. Сам он уже все попробовал с Солен Фолк, второгодницей из 4 Д. Адриен спрашивает, замороженно глядя на друга: «А язык нужно поворачивать по часовой стрелке?»

Нина размышляет о любви с детства, а о любви физической уже несколько месяцев. О такой любви говорится в чужих письмах, которые она продолжает тайком читать. На память приходит последнее, читаное-перечитаное. Она знает, кому оно адресовано, прочла фамилию на конверте. Это мать одной соученицы Этьена. Нина каждый день видит женщину в машине на парковке коллежа, она ждет дочь и слушает радио, а иногда опускает стекло, закуривает и смотрит на небо.

«Хочу раздевать тебя – как в прошлом году. Снимать все лишнее, чувствовать под рукой твое горячее естество, доставлять тебе удовольствие. Почему ты переходишь на другую сторону, когда мы встречаемся на улице? Зачем ты так делаешь? Ответь мне. Скажи хоть что-нибудь. Поддай знак. Любой».

«Доставлять удовольствие». Нина не переставая думает об этих словах. Ее мать наверняка испытывала *такое*. Только и делала, что испытывала. Предпочла *это* дочери.

Нина открыла для себя наслаждение одна, в собственной

постели. Искала жара тела, терлась о простыню, и наконец однажды вечером голова закружилась, спина выгнулась, ее пронзило ликование. Это было лучше, чем вода в бассейне.

Нина пока не заговаривает с Этьеном и Адриеном о физической любви. Разве что о поцелуях с языком. Она предчувствует, что настанет такой день, когда они больше не смогут проводить вместе все свободное время. Очень скоро их потянет к взрослым девчонкам из 4-х классов, захочется ласкать их *там*. Это неизбежно случится, и они бросят ее за ненужностью.

Сейчас оба еще маленькие. Ребята ее ровесники, но они все равно младше. Девочки взрослее с рождения.

Нина чувствует, как увеличивается ее грудь, а у Адриена с Этьеном еще ни один волосок на подбородке не вырос, и возбуждают их больше всего музыка и скейт.

Грудь доставляет болезненные ощущения, и Нина носит широкие толстовки и свитера, чтобы мальчишки не заметили, как она меняется. Ее запах, волосы на лобке, желания, мысли – признаки вершащейся внутри революции. Нина хотела бы вернуться в детство, снова стать маленькой и пить на ночь теплое молоко. До чего же тяжело взрослеть, меняться, приспособливаться! Слава богу, у нее есть рисование. Рисую линии и воспроизводя на бумаге черты любимых лиц, она отгоняет от себя страх перед неизвестным. Рисовать – все равно что играть в баскетбол, не нужно ни о чем думать. С карандашом в пальцах она превращается в существо со множе-

ством жизнью, каждый готовый рисунок – одна из них. Чье-нибудь лицо. Профиль. Улыбка. Пейзаж. Она начала работать красками. С кистью справляться труднее, чем с угольным карандашом, с ним у нее тактильный контакт, а с живописью лучше держаться отстраненно, точности требуется меньше. И цвет она не любит. Не знает, как управиться с красным или синим.

Все танцуют под «3-й пол»³⁶ – сингл *Indochine*. Нина находит Этьена.

Жарко, душно, пахнет спиртным, тела не слушаются... Они просто неуклюжие дети, поющие хором:

*И мы берем друг друга за руки
И мы берем друг друга за руки
Девчонки – парней
Парни – девчонок...*

---

³⁶ 3^e sexe (фр.).

10 декабря 2017

Кто-то открывает дверь. Нина не реагирует, думает, что это Кристоф или кто-то из волонтеров решил выпить кофе. Она каждое утро варит на всех. Ей сейчас не до кофепития, нужно проверить счета.

– Добрый день, мадам, я звонил вам вчера и вот пришел посмотреть на собаку... На Боба...

Мужчина один, и это редкость. Обычно на смотрины являются женщины или родители с детишками.

Нина надевает на лицо подобающую случаю улыбку. Клиенты не каждый день являются в приют.

Она встает, протягивает руку. Пожатие у него крепкое, это хорошо. Мужчина высокий и чем-то напоминает Этьена, тот уже в шестнадцать вымахал до метра восьмидесяти двух.

– Я Ромэн Гримальди.

– Очень приятно, я Нина Бо, управляю приютом.

Нина смущена: впервые на ее памяти потенциальный усыновитель выглядит обаятельным. Он не похож на других, а она была свято уверена, что за семнадцать лет работы все видела, слышала и пережила.

Ромэн немного похож на друзей Адриена. Тех, кто окружал его в Париже. Артистичных, блестящих. Элегантных. Не тип из дома по соседству.

Нина прекрасно знает, что от нее самой давно пахнет только мокрой псиной. Короткая стрижка намного практичнее длинных волос, а о том, чтобы краситься, и речи нет, если день начинается с уборки собачьих какашек в боксах. Вещи, которые она носит, больше всего напоминают военную форму: цвета – хаки или размытый коричневый, одежды удобные и ноские. Обувается она исключительно в резиновые сапоги, ногти на руках стрижет коротко. Маникюр – для другой жизни, других женщин.

Нина ведет посетителя к вольеру Боба под морозящим дождиком.

Ромэн Гримальди бросает виноватые взгляды на лающих из-за решеток псов. Чужак, явившийся в приют, должен иметь закаленное сердце – на выгребную яму человечества смотреть нелегко. Сотрудники приюта видят все иначе. Животные в безопасности, они накормлены-напоены, их ласкают и каждый день выгуливают. О собаках заботятся, лечат, когда они заболевают. А еще с ними разговаривают, как с сокамерниками, гребцами на рабской галере или невезунчиками, попавшими в отвратный летний лагерь, где ждешь только окончания смены.

– У вас есть породистые собаки? – интересуется Ромэн.

Плохой вопрос. Здесь ему не питомник и не зоомагазин! Нас не волнует ни родословная, ни красота. Мы живем среди бастардов. Голубые глазки и белая шкурка попадают редко.

– Здесь сельская местность. Я видела всего несколько породистых псов, все были охотничьи – сеттеры, спаниели, легавые или фокстерьеры... Но они стоят дорого, и их к нам не пристраивают, стараются продать. Или поменять на другую породу... Вы видели фотографии Боба на сайте?

– Да.

– Он хороший мальчик. Вы когда-нибудь усыновляли собаку?

– Вообще-то, я всегда так поступал.

Нине нравится ответ.

– Живете в наших краях?

– Меня перевели в Ла-Комель, я новый директор коллежа Жоржа Перека.

Коллеж... Нина вспоминает свой, который только что снесли. Ей не грустно, прошлое оно прошлое и есть.

– У вас есть другие животные?

– Старый кот. Радий.

– Как он уживается с собаками?

– Привык. Радию семнадцать лет, он почти все время спит.

Нина открывает бокс, попросив Гримальди подождать снаружи. Она никогда не пускает внутрь чужих людей. Боб подходит, виляя хвостом. Маленькая черная дворняжка, помесь фокстерьера с кокером.

– К тебе гость, парень, – тихим голосом сообщает Нина.

Она наклоняется, гладит песика по жесткой шерсти. Ром-

Эн начинает беседу из-за дверцы:

– Привет, у тебя симпатичная морда...

Боб не смотрит на человека. Нина надевает на него ошейник, пристегивает поводок.

– Давайте пройдемся и посмотрим, как он будет вести себя с вами.

– Думаете, у меня есть шанс понравиться Бобу?

Нина улыбается.

– Да, но Боб застенчивый и сразу незнакомым людям не доверяется.

– Он напоминает моего первого пса, из детства. На сайте я сразу положил на него глаз. Сколько ему?

– По мнению ветеринара – восемь лет.

– Вы знаете, откуда он взялся?

– Нашли в коммуне поблизости... Четыре года назад.

– Почему никто его не выбрал?

– Наверное, он ждал вас.

Они идут рядом, Нина отдает поводок Ромэну на пустыре, прилегающем к приюту. Он тоже ничейный, совсем как собаки, которых тут выгуливают.

– Вы живете один? – спрашивает Нина.

– Да.

– У вас дом или квартира?

– Дом. С садом.

– Продумали, как организуете свой день, когда появится Боб?

– Собираюсь брать его с собой на работу.

– В коллеж?

– Да. Именно поэтому я не хочу щенка. День Боб будет проводить в директорском кабинете, а на большой перемене я смогу его выгуливать.

– Вы имеете право так поступать?

– Да, в Марн-ла-Кокет я всегда ходил на работу с собакой.

– Почему переехали?

– Захотелось поменять обстановку... Какие формальности нужно соблюсти, чтобы забрать Боба?

– Заполнить бумаги. Приходите завтра.

– А плата?

– Боб старичок, так что дадите, сколько решите.

– А если бы он был молодым песиком?

– Четыреста евро. За кота – триста. Сюда входит стоимость вакцинирования, стерилизации, идентификации породы и всего прочего, то есть корма и других услуг.

– А сегодня нельзя его забрать?

– Нет. Боб должен побывать на осмотре у ветеринара, иначе никак.

В животе у Нины порхают бабочки, она искоса поглядывает на Боба и благодарит собачьего бога. Пес наконец покинет приют.

Она останется.

Нине семь лет. Июньское воскресенье. Из радиоприемника льется голос Жан-Жака Гольдмана³⁷, он поет «*На краю моей мечты*»³⁸. Погода прекрасная, и девочка предвкушает приключение. Накануне дедушка сказал ей: «Завтра мы кое-куда поедem, это будет сюрприз для тебя».

Она надела красивое платье и новые туфельки, заплела две косички и закрепила их «корзиночкой» заколкой-маргариткой.

Они уже больше часа едут на синем «Рено 5». Дед выглядит как заговорщик. «Куда мы едем?» – гадают сидящая сзади Нина. «Вот исполнится тебе десять лет, будешь ездить рядом со мной на пассажирском месте...» – не раз обещал внучке Пьер Бо.

Первый щит с названием Нина видит километров за тридцать до финиша. «Паа... звериный парк развлечений...» – читает она, подпрыгивает от радости и восклицает: «Я догадалась, дедуля!»

Чем они ближе, тем больше на обочинах дороги фотографий, наклеенных на большие яркие панно. Нина в нетерпении, она предвкушает удовольствие, и Пьер Бо довольно

---

³⁷ Жан-Жак Гольдман (род. в 1951) – один из самых популярных французских авторов-исполнителей.

³⁸ Au bout de mes rêves (фр.).

улыбается. Затея удалась.

Местные жители называют парк раем, здесь есть манежи, маленький поезд, курсирующий по кругу, картошка фри и сладкая вата. Тут живут невиданно прекрасные звери: бегемоты, хищные кошки, слоны, волки, обезьяны, жирафы.

Нина попадает в гущу событий, кто-то хохочет, кто-то плачет, дети капризничают. Она прижимает к себе мяч и разглядывает людей, как другие – животных. Нина любит держаться поодаль и видеть «общий план».

Дед сжимает ее ладошку в своей большой руке, она в безопасности, но чувствует себя плохо. Голова разболелась, в животе тяжесть, ноги вдруг устали. С чего вдруг? Народу слишком много? Жара виновата? Или все дело в том, что рядом нет родителей? Всех ее ровесников в парке «пасут» мать с отцом. Она то и дело слышит: «Мамочка, иди скорей сюда!», «Папа, смотри!». Нина никогда не произносила этих слов. Ей кажется, что все животные в вольерах и за стеклянными стенками загонов похожи. В неволе повадки и взгляд становятся похожими.

Черная пантера расхаживает по клетке, держа в зубах детеныша, как будто ищет выход, а посетители заворуженно наблюдают. Спрятаться негде. Ее поймали, подчинили, засунули за решетку людям на потеху.

Нина чувствует ужасный стыд. То, что веселит окружающих, вводит ее в ступор. Она еще слишком мала и не способна понять природу своих ощущений, но чувствует себя

другой. Душа глухо рычит, сердится, тоскует.

В вагончике поезда становится легче, и Нина засыпает, прислонившись к плечу деда, переживания утомили и вымотали ее.

– Хочешь напоследок сходить к волкам? – спрашивает Пьер, поглаживая огромной теплой ладонью хрупкие пальчики.

– Нет, я боюсь.

Это неправда. Ни одно животное не способно напугать девочку.

Они занимают места в машине, Пьер поворачивает ключ в зажигании. Нина счастлива, что страшное место осталось за спиной.

– Понравилось?

– Да, спасибо, дедуля.

– Кто лучше – жираф или львы?

– Поезд.

– Почему?

– Он свободен и едет куда хочет.

Июль 1988

Троица переходит в пятый класс. Они взяли немецкий вторым «живым языком», чтобы наверняка оказаться вместе. Их лейтмотив: не разлучаться больше никогда. Язык Гёте добровольно выбирают редкие отличники, остальные предпочитают углубленный английский или испанский.

Сначала родители Этьена воспротивились, заявили: «У тебя не тот уровень!» – но все трое заучили наизусть аргументы для спора с предками. «За немецким будущее. Классный руководитель говорит, что с точки зрения этимологии нет ничего лучше. По статистике, все, кто выбирает немецкий, прогрессируют по другим предметам, это двигатель мотивации, он укрепляет физическую и умственную выносливость... Если встречу Клаудию Шиффер, хочу пообщаться на ее родном языке».

Они в бассейне. Все девчонки-ровесницы поглядывают на Этьена, а он выпендривается, проплывает двадцать пять метров, забирается на тумбу № 3 – ту, что в центре, – потягивается и ныряет идеально выверенным движением, долго плывет под водой, поднимается по лестенке и снова ныряет. Этьен загорел до черноты, у него стройное мускулистое тело, а роста в нем уже метр шестьдесят.

Нина смотрит в небо с редкими кудрявыми облачками,

мысленно собирает их в кучу, «лепит» из них пастушью собаку. Солнце пылает, жжется, как огонь. Ей хорошо.

Адриен с задумчивым видом держится за бортик, время от времени погружается с головой, чтобы охладиться.

Через две недели Этьен отбудет в Сен-Рафаэль, и они с Ниной снова останутся вдвоем.

«В следующем году поедem вместе! – обещает Этьен. – Родители почти согласились. Условие одно: повесить на два пункта средний балл...»

Когда тебе двенадцать, «будущий год» кажется очень далеким, но Нина мечтает увидеть море и надеется, что спустя «вечность» это случится. Придется помочь Этьену. Ради осуществления мечты.

– Жрать хочу! – заявляет вынырнувший Этьен.

Они идут на террасу, стелют полотенца, чтобы не обжечься о сиденья железных стульев.

Этьен заказывает и платит за три порции картошки фри и кетчуп.

Наступил час сиесты. Утренние посетители, взрослые и пенсионеры, разошлись по домам или вернулись на работу. Дети появятся после двух. У воды осталось несколько ослабленных жарой подростков, они мажут солнцезащитным кремом, девчонки смеются, принимая позы на надувных матрасах, мальчики тренируют прыжки.

Их тела изменились. Они выросли, окрепли. Этьен и Адриен вдруг обнаружили, что у Нины под лифчиком есть

грудь, и таращат глаза.

– Больно? – шепотом спрашивает Адриен.

– Терпимо... – лаконично отвечает Нина.

Этьен и бровью не повел. Он уже регулярно флиртует – так, не всерьез, накоротке, общается с каждой новой девчонкой пару дней. В первый выглядит влюбленным, во второй – свободным от всех чувств.

Нине нравится один ученик из третьего класса, некий Жиль Бернар, угловатый дылда, который курит сигареты и бывает в клубах. Нина считает, что он похож на Ришара Анконину³⁹, никто другой этого не замечает. Они слова друг другу не сказали, только переглядываются в коридорах коллежа или в столовой. В следующем году он будет учиться в профессиональном лицее, и она его больше не увидит. Нина ходит по улицам Ла-Комели в надежде на встречу. Жиль Бернар не получает никакой почты, а его родителям приходят только скучные счета. Нина чувствует себя невезучим старателем, жаждущим найти самородок и вечно находящим пустую породу... среди пачек почтовой корреспонденции.

Этьену неизвестно тайное увлечение Нины, ее секрет знает только Адриен, и это их сближает.

---

³⁹ Ришар Анконина (род. в 1953) – известный французский киноактер.

Этьен уезжает в Сен-Рафаэль, а его друзья крадут у Пьера Бо все больше писем и открывают для себя повседневную жизнь горожан Ла-Комели и их респондентов. Люди обсуждают погоду, описывают подрастающих внуков.

Нина не сразу распечатывает конверты, сначала она их нюхает, закрыв глаза, пытается вычислить хранящийся внутри секрет и чаще всего бывает разочарована: авторам писем недостает воображения, или они не умеют любить.

Возвращается Этьен, и они заканчивают лето вместе, между бассейном, музыкальным подвалом и комнатой Нины, где она их рисует.

Этьен стал еще выше. Они сидят втроем на бортике большого бассейна, сосут леденцы и рассеянно наблюдают за ку-pальщиками.

Нина стянула волосы резинкой в конский хвост. Как и каждое лето, ее смуглая кожа совсем закоптилась, а глаза еще больше почернели.

Адриен ненавидит свою слишком белую кожу, не поддающуюся солнцу, зато краснеющую, как рак в кипятке.

– В Сен-Рафаэле я кое с кем переспал, – внезапно роняет Этьен будничным тоном.

– По правде? – изумляется Нина.

– Угу... Было странно. Ей шестнадцать. Она легла на ме-

ня. Была вся горячая. Ну, кожа как при температуре. Обожгла меня, и я закрыл глаза, но все-таки сделал это.

– Приятно было?

– Влажно... и пованивало.

Они смеются. От смущения, любопытства, жадного желания узнать заветное. Вопросы сыплются один за другим, Нина и Адриен захлебываются словами, перебивают друг друга.

– Где ты это сделал? – спрашивает Адриен.

– Не где, а куда, болван!

Они смущенно хихикают.

– Не я болван, а ты идиот! Я имел в виду в постели, в твоей комнате?

– Нет, на пляже, так все поступают.

– При людях?! – восклицает Нина.

– Не-а... Ночью. Вокруг ни одной живой души не было.

– Ты влюбился?

– Вот еще...

– Тогда зачем?

– Нужно когда-то начинать... Зато я больше не девственник.

– Как ее зовут?

– Синтия.

– Имя как у актрисы какой-нибудь... Вы давно знаете друг друга?

– С детства. Встречаемся там каждый год.

– Она тебя любит?

– Понятия не имею.

Все трое погружаются в свои мысли, потом Нина нарушает неловкое молчание:

– Я лягу только с тем, в кого влюблюсь...

– Ты девчонка, это другое дело, – философским тоном заявляет Этьен.

– Почему? – изумляется Адриен.

– Все девчонки ужасно романтичные. Особенно Нина.

– Она получила удовольствие?

Этьен краснеет. Они впервые говорят о сексе так откровенно, Нина впервые задает вопрос в лоб, что кажется ему ужасно грубым.

– Ну, не знаю... Дышала шумно.

Они начинают хохотать как дети, жаждущие поскорее вырасти, несмотря на счастливое детство.

Теперь они застряли между *Les Bons Vecs*⁴⁰ и будущим. Между глупостями и ломающимся голосом. Между велосипедными спицами, по которым задорно стучит картонка, и мечтами о долгих прогулках на мотоцикле.

---

⁴⁰ *Les Bons Vecs* (фр.) – «Удалые язычки» – духовой квинтет, созданный выпускниками французских консерваторий в 1992 г. Исполняют классическую музыку и джаз.

11 декабря 2017

Нина ставит свой велосипед у приюта, здоровается с волонтерами Жозефом и Симоной, ждущими у ограды.

Румяный коротышка Жозеф, рабочий на пенсии с вечной сигаретой в углу рта, которую он закуривает через раз. Сын Симоны погиб в автомобильной катастрофе, так что выгул приютских собак – способ не сойти с ума и жить дальше. Поводки заставляют ее держать спину прямо. Брошенные животинки для Симоны что трость для инвалида.

Нина перевидала много добровольных помощников. Люди приходят и уходят, меняются в эклектичном дефиле. Каменщики, сиделки, домохозяйки, вдовцы, просто старики, «проблемные» парни и девушки. Одинокие и слишком чувствительные люди вычищают клетки, латают решетки и пытаются излечиться, воспрять духом. Здесь бедняги всех сортов знакомятся, пьют горячий кофе, заводят споры-разговоры, чинят крышу, а потом исчезают, потому что им стало лучше, они переезжают, женятся, выходят замуж. Некоторые признаются: «Все это слишком тяжело...», «Поздно, уже ничего не изменишь» – и испаряются, как не было.

Сегодня утром у Нины встреча с Ромэном Гримальди. Сегодня утром уйдет Боб.

Всякий раз, когда из приюта забирают кота или собаку,

каждый сотрудник мысленно празднует счастливое событие. Дни усыновления совершенно особенные: один глаз плачет по животному, к которому неизбежно привязываешься, а второй улыбается, ведь еще чьему-то одиночеству пришел конец. Вот и Боб обрел хозяина. Человек выдерживает игру в жизнь только благодаря подобным святым моментам.

Ромэн ждет Нину перед дверью кабинета. Они обмениваются рукопожатием и вместе заходят внутрь. «От него по-прежнему вкусно пахнет...»

Мужской аромат завораживает Нину, она вспоминает мужа, каким тот был в самом начале. «Все решает обоняние», – думает она.

– Я подготовила все бумаги, и через месяц Боб официально станет вашим псом.

– А пока он не мой?

– У вас есть месяц, чтобы сдать его назад.

– С какой стати?

– Да мало ли... Усыновление подобно женитьбе, любой может захотеть развестись в первый же год.

– Такое часто случается?

– Нет, редко, и все-таки... Бывает так, что собаку возвращают, потому что она не оправдала ожиданий.

Симона заводит в кабинет Боба, кивает Ромэну, буркает: «Он хороший песик, позаботьтесь о нем...» – протягивает ему поводок и оставляет их.

Раньше Симоне дела не было до животных, она, конечно,

ни одному живому существу не причинила бы вреда намеренно, но в упор их не замечала.

За два дня до похорон сына Симона пришла к нему на квартиру за одеждой и познакомилась со старой собакой, которую подобрал Эрик, никому не сказав ни слова. Она вспомнила, что ее мальчик всю жизнь мечтал завести пса, но ему не позволяли. Она не позволяла. Симона с собакой долго смотрели друг на друга, в их глазах стыла одинаковая жгучая тоска. Животное поняло, что хозяин не вернется, Симона сыграла роль утешительницы – и утешилась сама. Когда душа псины отлетела в звериный рай, Симона пришла к Нине и заявила: «Я должна выгуливать ваших собак!» – и в тот же день получила работу. Знакомы они не были, а вот с Эриком учились в одном лице. После похорон она всегда видела его мать с собакой на поводке, они бродили по городу с вечной спутницей Печалью. Нина считала эту женщину еще одной жертвой жестоких обстоятельств и не могла отказать ей, хотя предвидела, что той будет нелегко справляться с болезнями, старением и смертью обитателей приюта.

– Я восхищаюсь тем, что вы делаете, – говорит Ромэн Нине, подписывая бумаги.

– Взаимно... – отвечает она. – Наверное, непросто руководить коллежем?

– Труднее всего не с учениками, а с родителями.

Она улыбается. Он протягивает ей чек.

– Вы не обязаны.

– Знаю.

– Благодарю от имени четвероногих... – Нина смеется.

Ромэн ведет Боба к машине, открывает пассажирскую дверь, устраивает нового друга на переднем сиденье и обещает:

– Я буду держать вас в курсе нашей жизни.

Нина фотографирует Боба на телефон, Гримальди машет ей рукой и уезжает, она еще несколько секунд стоит на месте, чувствуя запахи бензина и мокрой собачьей шерсти, потом возвращается в кабинет и размещает на сайте снимок счастливого. Подпись БОБ УСЫНОВЛЕН украшена сердечком.

10 ноября 1989

Они в четвертом. Первое занятие дня. Та же конфигурация, что в классе мсье Пи. Нина сидит рядом с Этьеном, Адриен – сзади, смотрит на ее затылок. Она постриглась и теперь чуть-чуть напоминает мальчишку. Адриену не слишком нравится ее новый стиль. Нина начала подводить глаза карандашом, но делает это неумело – взгляд кажется слишком мрачным. Этьен сказал: «Уродство какое-то...» Она ответила: «Что с тебя взять, ты же не рокер...»

Преподаватель немецкого мсье Шнейдер входит в класс, и по его взъерошенному виду мгновенно становится ясно: произошло нечто невероятное. Все умолкают и устремляют взгляды на Шнейдера. Он человек сдержанный, даже робкий, его голова «утоплена» в плечи, как будто по макушке ударили кувалдой. У него тихий голос, которым он больше двадцати лет терзает слух учеников. Странно, но у мсье Шнейдера рюкзак за плечами. Он что, пришел проститься перед отъездом?

– *Eins, zwei, drei, die Mutter ist in der Küche...*⁴¹

Обычно все продолжают болтать, когда он появляется в классе, но сейчас все иначе. «Наверное, этот чудик выпил, –

---

⁴¹ Один, два, три, мама на кухне... (нем.)

думает Нина. – Вон как глаза блестят...» Шнейдер открывает портфель, и книги валятся на пол. Ученики хохочут. Их всего пятнадцать, собранных в группу из пятых и четвертых классов.

Учитель поднимается на кафедру, делает глубокий вдох и заявляет торжественным тоном:

– *Meine lieben Kinder, ich habe gute Nachrichten, eine Nachricht, die das Gesicht der Welt verändern wird: die Berliner Mauer ist gefallen*⁴².

Ноль реакции! Никто не понял ни одного чертова слова! Шнейдер впервые обратился к ним на немецком не по теме урока, а просто так.

Дальше – больше, действия преподавателя повергли коллеган в полное изумление. Они бредят? Это сон наяву? Мсье Шнейдер достал из рюкзака четыре бутылки шампанского и откупорил одну за другой, смеясь и нелепо вскрикивая. Им овладело веселое безумие, что совсем выбило его питомцев из колеи. Учащиеся ненавидят строгие школьные порядки, но именно рамки этих порядков дают им уверенность в надежности бытия. Преподаватель расставляет на столе пластиковые стаканчики и начинает разливать вино, выкрикивая фразу на немецком:

– *Lang lebe die Freiheit!*⁴³

---

⁴² Мои дорогие дети, у меня есть хорошие новости, новости, которые изменят облик мира: Берлинская стена пала (нем.).

⁴³ Да здравствует свобода! (нем.)

Первый глоток все делают в 09:00, и Шнейдер радостно чокается с каждым.

«Стены позора больше нет, – говорит он. – Германия снова едина, во что трудно поверить, так вершится история, это невероятно чудесно, никто и не надеялся!» Наконец-то ученики понимают, что в состоянии транса мсье Шнейдера повергло падение Берлинской стены. Он рассказывает, захлебывается словами, вдруг начинает лить слезы над теми, кто погиб, пытаясь вырваться на свободу. Нина спрашивает: «У вас там родственники? С какой стороны?» – и он отвечает, потрясенно запинаясь на каждом слове, что его родители жили в Восточной Германии.

Выпив два стаканчика и не закусив даже орешком, Шнейдер без стука врывается в другие аудитории и приглашает всех коллег и учащихся отпраздновать вместе с ним великое событие. В 10:00 на четвертом этаже коллежа Шарля Бодлера двести человек слушают или танцуют под «*Африканское регги*» Нины Хаген⁴⁴ – мсье Шнейдер вставил кассету в рабочий плеер, которым пользуется на уроках грамматики. Песню он заводит в режиме «нон-стоп», танцует, как молодой, и выкрикивает:

– *Lang lebe die Freiheit!* – и приглашает всех без разбора, и кружится, кружится...

Этьену впервые интересно в школе. Пусть рушатся все

---

⁴⁴ African Reggae (англ.). Нина Хаген – немецкая певица, панк-рок-музыкант, автор песен, актриса.

стены в мире!

Ребята и представить не могли, что их учитель немецкого слушает Нину Хаген, а в крови у него плещется хоть унция фантазии.

Этим утром Адриен осознает, что из свободы воспоследует безудержная радость, преображающая лица и тела.

Вечером они с матерью смотрят по телевизору новости, и Жозефина то и дело вытирает платком слезы – она потрясена и глубоко растрогана. Весь мир видит слезы немцев, воссоединение семей, девушек, которые целуют солдат, люди бьют молотами по камню, куски стены падают на землю, толпа расхватывает осколки бетона, чтобы превратить их в сувениры на память.

Адриен задается вопросом о своей собственной стене, которая отделяет его от него самого, за которой он прячется с первой секунды жизни. Интересно, какой она высоты?

11 декабря 2017

Здание исчезло с лица земли. Останется несколько снимков в архивах да коллективные фотографии классов в пыльных альбомах.

Коллежа Въё-Коломбье больше нет. На его месте теперь пустырь. Весь мусор и обломки убрали. Корпуса «Превьер», «Бодлер», «Верлен» и «Гюго» приказали долго жить. Мэрия уже расставила щиты с объявлением о строительстве жилых комплексов для пожилых людей и предложением обращаться в такое-то агентство недвижимости для резервирования квартир, которые будут сданы в 2020 году.

Я спрашиваю себя, о чем подумала Нина, узнав о случившемся, она ведь каждый день проходит мимо по пути в приют. Впрочем, Нина наверняка ничего не чувствовала, она с детства презирала ностальгию.

Я не встречаю ее, когда хожу за покупками, но иногда замечаю, если еду на машине. Нина водит «Ситроен»-комби с надписью «АЗЖ» (Ассоциация защиты животных) на обоих бортах и кажется просто крошечной за огромным рулем. Она всегда напряженно думает о чем-то своем и словно бы не замечает ни пешеходов, ни других автомобилистов.

Знает ли она, что я вернулась в наш город? Проглядывает ли хоть иногда мои статьи в местной газете (если вообще ее

читает!)?

Сегодня вечером пустырь напоминает озеро, каким оно было на прошлой неделе, когда я снимала там по заданию редакции. Непонятно, какие работы ведутся, все замерло. Погрузилось в забвение. Продрогшие оголившиеся деревья похожи на призраков и стоят прямо из чистого упрямства. Противная морось сыплется с неба, фары моей машины разгоняют темень ледяной ночи, как будто день решил вовсе не заниматься. Забастовал.

Я возвращаюсь из Макона, с пресс-конференции. Прокурор подтвердил, что в кабине «Твинго», выловленного из так называемого Лесного озера, водолазы жандармерии обнаружили скелет. Машину опознали по номеру, ее угнали 17 августа 1994 года, после полудня, у мсье и мадам Гийом Деснос, от их дома в коммуне Ла-Комель. Можно с уверенностью утверждать, что в этот же день ее утопили в озере, где она и пребывала последние двадцать три года.

На данном этапе расследования идентификация тела будет долгим и сложным процессом, учитывая состояние костей. Эксперты сделают анализ ДНК и сравнят с генетическим материалом родственников лиц, пропавших в регионе в тот период.

«Твинго», забитый илом, был обнаружен на семиметровой глубине. Бригада водолазов продолжает исследовать сонаром дно вокруг, чтобы попытаться обнаружить предметы, имевшие к ней отношение.

Один из журналистов задал вопрос о Клотильде Марэ: «Если это она, будет ли наконец раскрыта тайна ее исчезновения?» Троица свято верит, что тайна известна им одним.

Я хорошо помню все наши выкрутасы летними вечерами на берегу озера. Мы курили травку, пили всё, что попадалось под руку или было украдено из семейных буфетов: мартини отца, водку деда и виски брата. Этьен приносил свой магнитофон и кассеты, на которые заранее записывал музыкальный микс. На земле за нашими спинами лежали велосипеды, терпеливо дожидаясь, когда мы наконец решим отправиться по домам.

20 апреля 1990

На первом этаже, в гостиной дома родителей Этьена, четвертый класс празднует четырнадцатилетие Адриена.

Нина заперлась в ванной комнате Больё, ее притянули сюда ароматы и солнце, просочившееся через окно и ласкающееся к кафельному полу.

Стены дрожат от громких звуков, музыка грохочет где-то в глубине дома.

Нина слушает и тихонько подпевает Роберту Смит⁴⁵, шепча слова его «*Колыбельной*». Она нюхает кремы для тела, пенистый гель для душа, стоящий на бортике большущей ванны, разноцветные кусочки мыла. Открывает дверцы шкафчика и обнаруживает косметичку, щипчики, лекарства в ящичках с перегородками. Нина любит шарить везде – где можно и нельзя, выискивая изнанку декораций: по ее мнению, в домах секретов не меньше, чем в письмах, которые она ворует у деда.

Она вздрагивает, ощутив за спиной чужое присутствие. Нет, показалось, это всего лишь ее собственное отражение

---

⁴⁵ Роберт Смит (род. в 1959) – британский гитарист, вокалист, автор песен и лидер рок-группы *The Cure* с момента ее основания в 1978 г. Сайт *Songfacts* сообщает, что его песня-ужастик *Lullaby* (англ.) основана на кошмаре, который часто снился музыканту в детстве, в нем его съедал гигантский паук.

в ростовом зеркале. Нина смотрит на свой зыбкий силуэт, горбится, выпрямляется, втягивает живот, ерошит волосы (ужас, до чего быстро они становятся жирными!). Фу, какая темная у нее кожа, и мерзкие черные точки на щеках, и вообще, все лицо какое-то... угловатое. Она похожа на мальчишку, и это ей не нравится, но с длинными волосами она любила себя еще меньше, хотя и была чуточку женственней. Нина растягивает губы, но не улыбается, а скалится, проверяя, хороши ли зубы. Почему в тринадцать лет выглядишь противней некуда? Ну что за рожа? Нина надеется, что время поправит дело, иначе придется добровольно уйти на свалку.

Она отворачивается от своего отражения и продолжает «исследовать окрестности». Семейная туалетная комната Больё выглядит как пещера чудес Мари-Лор.

Нина обводит взглядом флаконы, их много, некоторые давно пусты, словно когда-то принадлежали другим женщинам.

Внезапно ее осеняет.

Она спускается по лестнице и направляется в сторону кухни, толкает закрытую створку и... натывается на Мари-Лор и Жозефину. Они сидят за столом, пьют чай и что-то обсуждают. Нина всегда считала этих женщин совсем разными и не могла представить, что они будут вот так запросто общаться.

– Почему ты не с гостями? – удивляется Жозефина. – Вам чего-нибудь не хватило?

– Нет... всего полно... – отвечает Нина.

«На этой кухне не хватает моей матери», – думает она.

Марион должна была бы сидеть за этим столом, грызть печенье и ждать, когда закончится детский праздник.

Нина встречается взглядом с Мари-Лор, мать Этьена ласково ей улыбается и спрашивает:

– Ну что, поедешь с нами летом в Сен-Рафаэль? Этьен мне об этом все уши прожужжал.

– Адриен тоже, – добавляет Жозефина. – Только о том и говорит.

«Море близко, – говорит себе Нина. – Море близко».

Она улыбается. Этьен улучшил средний годовой балл благодаря их с Адриеном помощи. Билет в счастье совсем близко.

– Конечно, будет здорово, – отвечает она. – А вы... знали мою мать, Марион Бо?

– Да, мы вместе учились в школе, а потом еще два года в коллеже.

Потрясенная Нина молча смотрит на мать Этьена. Почему она раньше не догадалась спросить?!

– Какая она была?

– Забавная... Милая... и болтушка.

– Я на нее похожа?

– По-моему, нет. Марион была блондинка, с рыжеватым оттенком. Зеленоглазая. У тебя разве нет ее фотографий?

– Ни одной.

Нина начинает нервничать. Ей хочется задать тысячи во-

просов, но мысли опережают слова.

– Ну так какой была моя мать?

– Очень хорошей. Но она изменилась после смерти твоей бабушки. Замкнулась, стала молчаливой.

– Давайте я оставлю вас вдвоем, – предлагает Жозефина.

– Нет, все в порядке, – бросает Нина суше, чем сама бы хотела. – Я, пожалуй, вернусь к ребятам.

Она стремительно выходит из кухни. Ужасно быть такой чувствительной. К глазам снова подступают слезы. Стоит только кому-нибудь упомянуть в разговоре ее мать, и бронхи устраивают диверсию. Она теряет ориентиры. Теряет отца. Теряет мать. Однажды она сочинила дурацкую строчку, соединив никак не связанные по смыслу слова. «Дебильная вышла песенка».

Мари-Лор сказала, что Марион замкнулась, когда ушла Одиль, но у деда об этом не спросишь, для него эта тема больная. Нет, она не осмелится.

Адриен с отсутствующим видом сидит на стуле. Нина подходит, он встряхивается, почувствовав ее присутствие по аромату ванили. Она уже несколько месяцев пользуется новыми духами, этот сладкий запах ни с чем не спутаешь.

Гремит музыка, танцуют парочки, и ему приходится перекрикивать шум:

– Что такое, ты плакала?

– Мать Этьена... была знакома с моей.

– Здесь, похоже, все друг друга знают.

– Где ты жил до Ла-Комели? – спрашивает Нина.

– В Клермон-Ферране.

– А сюда вы почему переехали? Ты никогда не рассказывал.

Он пожимает плечами.

– Знал, что встречу тебя.

Нина криво улыбается.

– Думаешь, жизнь иногда кое-что возвращает за то, что слишком много забрала?

– ...

– Не понимаешь? Но это же просто. Мать меня бросила... Даже кошки плачут, когда у них забирают котят.

– Может, она плакала, расставаясь с тобой...

– Вряд ли. Иначе вернулась бы. Зато ты здесь, со мной. Жизнь частично компенсировала мне детские потери. Понимаешь?

– Угу... – Адриен кивает.

У него близкие слезы, и сейчас он едва сдерживается. Как та подземная река, которую они с мамой видели в Ларзаке во время каникул, когда ходили на экскурсию в пещеру Лабейль. Вода, не поднимающаяся на поверхность.

– Ты никогда меня не бросишь? – спрашивает Нина.

– Никогда.

– Клянешься?

– Клянусь.

– Всегда будешь рядом, если вдруг понадобишься?

– Всегда.

Появляется Этьен, он не любит надолго оставлять друзей вдвоем и не знает, о чем они говорят.

– Что делаете? Почему не танцуете? Пошли?

Нина следует за Этьеном, Адриен остается наблюдать, это его любимое занятие. Почему Нина задала такой странный вопрос? Однажды утром Жозефина сообщила, что будет работать в другом детском саду и заботиться о других детях. Ради этого они переедут за сто пятьдесят километров, в департамент Сона-и-Луара. Друзей в Клермоне у Адриена не было, и он воспринял новость безразлично.

До встречи с Ниной и Этьеном ему казалось, что он не отпечатывается на бумаге, как пустая шариковая ручка. Раньше у него не было цвета, а Нина с Этьеном вернули ему пять чувств, надежду и позволили дышать свободно. Потому-то он так к ним привязан.

Гаснет свет, смолкает музыка. Жозефина и Мари-Лор хором сообщают, что «подарок ждет в подвале»...

Синтезатор. Его переполняют чувства. Заветная мечта исполнилась.

Все запевают: *С днем рождения тебя!*

Торт, четырнадцать свечей. Нина кричит: «Загадай желание!» Адриен закрывает глаза. Мечта у него одна. Неизменная...

11 декабря 2017

Машина провела на дне озера двадцать три года. Этьен читает и перечитывает статью на экране компьютера.

Он чувствует облегчение и даже готов улыбнуться, несмотря на трагизм ситуации.

«Я не сумасшедший».

17 августа 1994. Угнанная тачка. В кабине человеческие останки. Если это Клотильда, как она там оказалась? Зачем? Кто-то зашел за ней тем вечером? Но кто?

«Нет, невозможно, это совпадение, всего лишь совпадение».

С какой стати воспоминание всплыло на поверхность через столько лет? В чем смысл происходящего? За несколько дней до возвращения в родительский дом на Рождество!

Почему родной коллеж не потрудился известить его? А Нина и Адриен в курсе?

«Наверняка».

Как же долго они не виделись...

Он иногда набирает номер собачьего приюта, но сбрасывает звонок, не дождавшись ответа. Иногда он звонит ночью, чтобы послушать ее голос на автоответчике: «Мы открыты с понедельника по пятницу, с 09:00 до 12:00 и с 14:00 до 18:00. В субботу с 09:00 до 12:00. В случае срочной необходимости

разместить отловленное животное обращайтесь к служащим жандармерии в...»

Ее неповторимый голос. «Голос курильщицы, которая никогда не курила» – так часто говорил Адриен.

Он скучает по друзьям.

Или тоскует по уходящей молодости? Хочет ее удержать?

Последний раз он видел Нину в Ла-Комели, в 2003-м, с тех пор они больше не общались.

Троица обещала друг другу вечность, в шестом классе они дали клятву на крови, уколов пальцы и смешав капельки. «На всю жизнь, до самой смерти». Детские игры.

Этьен берет несколько аккордов на гитаре. Жена и сын уже легли. Он любит этот поздний час и одиночество в спящем городе. Музыка в наушниках помогает отрешиться от тяжелых впечатлений прошедшего дня. Можно выбрать концерт на «Ютьюбе». Посмотреть видео на «Фейсбуке». Звукнуть Нине, спросить: «Привет, как жизнь?» Или найти ее профиль и попроситься в друзья.

Этьен раз за разом отвергает эту мысль. Чего он боится?

Вдруг Нина ответит, что он ей скажет? С ума можно сойти от мыслей!

Острая боль в спине заставляет его скрючиться, он тянется за сильным болеутоляющим, выдается исключительно по рецепту врача. «Практично иметь врача в семье», – думает он и возвращается к компьютеру.

Набирает ключевые слова: «Лесное озеро, Ла-Комель,

найденная машина».

21 апреля 1990

Нина в своей комнате. Вспоминает день рождения Адриена, заветный синтезатор, слова Мари-Лор о матери: «Она была забавной... Милая... и болтушка».

Кто-то открывает калитку, она узнает тяжелые шаги Этьена, стук скейта о ступени крыльца. Паола не лает, значит, это знакомая ей человек.

Нина прячет под подушку письмо из сумки деда. Конверт привлек ее внимание, потому что фамилия и адрес были составлены из букв, вырезанных маникюрными ножницами из газеты. Совсем как в старом фильме Клузо⁴⁶ «Ворон». Она читала и перечитывала строчки:

ЖАН-ЛЮК, ТЫ ИДИОТ, РОГОНОСЕЦ, ПОЗОР ВЕРХНЕГО КВАРТАЛА, ТЫ СДОХНЕШЬ, ЭТО ПОСЛЕДНИЙ ГОД ТВОЕЙ ЖИЗНИ, ВСЕ РЕШАТ, ЭТО НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, НИКТО НИКОГДА НИЧЕГО НЕ УЗНАЕТ, КРОМЕ ТЕБЯ, ТЫ ЗНАЕШЬ, ЗА ЧТО БУДЕШЬ ПЛАТИТЬ, А МЫ ТРАХНЕМ ТВОЮ ВДОВУ.

---

⁴⁶ Анри-Жорж Клузо (1907–1977) – французский кинорежиссер и сценарист. Его называют французским Хичкоком. «Ворон» – классический фильм в жанре нуар, снятый Клузо в 1943 г. В больнице маленького провинциального городка ходят слухи о романе доктора Жермена с молодой женой директора психиатрической лечебницы. Однажды Жермен получает анонимное разоблачительное письмо, подписанное «Ворон».

Нину потрясла ненависть, сочившаяся из каждого слова, и она – впервые за все время своей «противоправной деятельности» – решила сжечь письмо.

Может, пойти в полицию? Нет, ее сразу арестуют, а деда уволят. Легавые найдут отпечатки ее пальцев на листке и обвинят в уголовном преступлении. А вдруг гадкие слова – не пустая угроза и с адресатом что-нибудь случится? С Жаном-Люком Мораном, проживающим в Ла-Комели по адресу площадь Шарля де Голля, 12?

Нина спустилась на первый этаж, чтобы впустить Этьена, так и не приняв никакого решения. Она открыла дверь и вдруг поняла, что делать. Он хочет стать сыщиком, вот пусть и даст совет.

У Этьена странный вид. Он целует ее, спрашивает: «Как дела? Я тебе кое-что принес...» Она тут же забывает об анонимном письме.

– Сначала вдохни лекарство от астмы... – строго велит он.

– Зачем?

– А затем, что я знаю твои фокусы!

– Но...

– Не спорь!

Она идет в свою комнату, берет баллончик и, пожав плечами, прыскает себе в рот. Иногда Этьен бывает совершенно невыносимым, так бы и прихлопнула его! Письма он не увидит, а то раскомандовался...

Нина возвращается на кухню. Этьен бросает рюкзак на

стол и наливает в стакан воду из-под крана.

Из них троих Этьен меняется быстрее всех. На верхней губе появился пушок, его это раздражает, и он бреется каждое утро. Этьену повезло – в отличие от Адриена, у него нет юношеских прыщей. С любым несовершенством кожи он борется всеми доступными способами и то и дело смотрится в зеркало. Голос у него начал ломаться, как у семнадцатилетнего, а ему нет и пятнадцати!

Нина вдыхает лекарство у него на глазах, чтобы не осталось сомнений, и Этьен достает из рюкзака конверт с тремя фотографиями.

– Мама велела передать... Фотографии твоей матери.

Нина смотрит на черно-белый групповой снимок. Девочки в школьных блузах, у той, что в центре, в руках доска с надписью: «Школа Дантона, 1966–1967». У Нины разбегаются глаза – учениц слишком много, и она решает для начала взглянуть на два других снимка. Они сделаны позже и почти идентичны. Фотографу позируют семь улыбающихся учениц коллежа. На обороте слова: «Аббатство Ключи, 1973». Погода ветреная, все придерживают рукой волосы и щурятся на солнце.

– Мама сказала, что они ездили на экскурсию, – объясняет Этьен и показывает пальцем на два лица. – Вот это – моя, а твоя рядом.

Нина подносит карточку ближе к глазам, чтобы лучше рассмотреть юную шестнадцатилетнюю женщину. Свет-

логлазый призрак. Марион Бо улыбается, передние зубы побеличьи выступают вперед, волосы забраны в конский хвост. На ней короткая юбка, свитерок и белые носки. Кукольные черты лица, но сходство несомненное.

– Уверен, что это Марион? – шепотом спрашивает она.

– Да. В белых носках.

– Я на нее не похожа.

– Совсем нет...

– Тогда на кого?

– Ну... на отца... на кого же еще? Оставь фотографии себе, это мамин подарок.

– Я плевать на нее хотела! Она меня бросила.

Этьен чувствует неловкость и смущение – Нина иногда странно реагирует. Она слишком непредсказуема. Сама спросила у Мари-Лор, знала ли она Марион, а теперь заявляет, что знать не желает свою мать. Девчонки такие сложные...

– Что будешь делать сегодня? – спрашивает он, меняя тему.

– Еще не решила. Позанимаюсь немного, а к четырем нас ждет Адриен, будем смотреть фильм. Останешься?

– Нет, встретимся там.

Этьену хочется поскорее расстаться с Ниной, но дверь он не хлопает, закрывает медленно, и сквозняк сдувает с кухонного стола фотографии.

Нина подбирает их, запирает за Этьеном и поднимается

к себе.

* * *

Назавтра в доме Бо день стирки. Пьер работает только после обеда. Он снимает белье в своей комнате и открывает окно, чтобы проветрить матрас, потом идет к внучке. Обычно он стучится, но сейчас девочка в коллеже.

На полу валяется груда одежды. Чистое и грязное вперемишку, поверх спят два кота. Один лениво потягивается при виде старика. Несколько пустых чашек из-под шоколада. Учебники, тетради, сотни листов с карандашными рисунками, те, что на картоне, висят над столом. Нина предпочитает изображать животных и двух своих приятелей. До чего же она талантлива! Может, однажды прославится и ее картины будут висеть в галереях по всему миру.

Пока ее нет, нужно успеть прибраться. Пьер Бо вздыхает. Трудно растить девочку одному. Он вспоминает покойную жену. При Одиль все было иначе, уж она бы такого срача не допустила.

Стены увешаны постерами групп: *Indochine*, *The Cure*, *Depeche Mode*. Одиль любила только Джо Дассена, да так сильно, что Пьер даже ревновал. После ухода жены он не стал выбрасывать пластинки на 33 оборота, хотя мог кому-нибудь их подарить, но ему была невыносима сама мысль о том, что другой человек будет слушать любимые песни

Одиль. Когда через пять лет певец умер, Пьер подумал: «Они встретятся там, наверху. На этот раз я и правда ее потерял. Мне с ним не соперничать».

*Если б не было тебя,
Зачем бы я жил...*

Дассен всегда был аккуратно причесан и одет с иголки. Носил белые костюмы, не чета любимчикам Нины с торчащими в разные стороны лохмами, худым, как скелеты! И рожи разрисованы! Странные настали времена...

Однажды утром родители Одиль въехали в дом напротив, и Пьер не придумал ничего лучше, чем в четверг после обеда украсть ее велосипед и вернуть только в субботу. Три дня он прятал двухколесную машину и репетировал свою речь: «Привет! Он вроде твой. Нашел в верхнем квартале, у чужого палисадника». Одиль притворилась, что поверила...

Они поженились в семнадцать лет, и у них родилась дочь Марион. Больше детей не было, хотя Пьер хотел троих: дочь, сына и еще одну дочку. Одиль остановилась на первой.

Пьер перешагивает через ворох одежек, сдергивает покрывало с кровати, снимает простыню, наволочку, и на пол летят три конверта. Один из них с письмом.

ЖАН-ЛЮК, ТЫ ИДИОТ, РОГОНОСЕЦ, ПОЗОР ВЕРХНЕГО КВАРТАЛА, ТЫ СДОХНЕШЬ, ЭТО ПОСЛЕДНИЙ ГОД ТВОЕЙ ЖИЗНИ, ВСЕ РЕШАТ, ЭТО НЕСЧАСТ-

НЫЙ СЛУЧАЙ, НИКТО НИКОГДА НИЧЕГО НЕ УЗНАЕТ, КРОМЕ ТЕБЯ, ТЫ ЗНАЕШЬ, ЗА ЧТО БУДЕШЬ ПЛАТИТЬ, А МЫ ТРАХНЕМ ТВОЮ ВДОВУ.

Пьер читает фамилии на конвертах и сразу понимает: Нина вскрывает чужую почту. Он подозревал, но не хотел признавать горькую правду. Как-то раз старик заметил, что у внучки, крутившейся вокруг его сумки, странный вид. Виноватый. Именно так девочка выглядела, когда притаскивала в дом очередного котенка и прятала его, чтобы дед не заметил, а по прошествии нескольких недель начинала умолять: «Ну пожалуйста, дедуля, давай оставим его, он так давно живет с нами!»

Пьер впадает в панику, бросает конверты и простыни на пол и выходит, даже не заперев дверь.

В крови старого почтальона бурлит ярость, перед глазами стелется красный туман, он похож на хищника, одержимого жадной убийства. Как она посмела?! После всего, что он для нее сделал! Остался жить, работал как вол – все ради Нины. Вставал ни свет ни заря, умывался, завтракал, седлал велосипед, развозил почту, возвращался домой, готовил девочке ужин. Экономил на себе, лишь бы ей всего хватало. Пьер вспоминает Нину в грудном возрасте, со`ски, молоко фирмы «Галлия» для малышей 1-й и 2-й возрастной группы, мучения с режущимися зубками, прививки, первые шаги. Он покупал платица и туфельки, не умея подобрать размер, и каждое утро изумлялся присутствию рядом малышки, тому,

как быстро она растет и развивается.

Нина вскрывает почту. У него за спиной. Она – предательница! Как давно это началось? Если кто-нибудь узнает, он потеряет работу. Его уволят за грубое нарушение Устава почтового ведомства. Отдадут под суд и приговорят, это уж как пить дать! Что будет с Ниной? Кто о ней позаботится? Что скажут люди? Они подадут жалобы. Нину отправят в приемную семью, и сбудется худший кошмар Пьера. «Куда она отправится, если я вдруг умру? Мать уж точно ее не заберет».

Он возьмет вину на себя. Заявит, что Нина ничего не знала. Казните шального старика!

Пьер тормозит у коллежа. На часах полдень, из дверей группками выходят юноши и девушки. Нина в столовой. Старик расталкивает учеников, у него дергается лицо, он моргает как безумный, замечает сначала Адриена, потом Этьена, следом Нину. Троица стоит в окружении других ребят, их человек пятнадцать, не меньше.

Нина в одном свитере, ушла из дома без шерстяной куртки. Сколько раз он просил внучку одеваться теплее из-за астмы, а ей хоть бы хны! На дворе апрель, а у девочки шея голая! Пословицы нужны, чтобы ими пользоваться, Одиль больше всего любила эту: «Лучше одна птица в руке, чем две в кустах». Адриен шепчет Нине: «Твой дед здесь...» – и она поворачивает голову, смотрит на него и улыбается. «Что ты тут делаешь? Я что-то забыла дома?»

Мгновение спустя по красному от злости лицу и сжатым кулакам она догадывается – дед узнал про письма. Девочка мертвеет. Пьер отвешивает внучке пощечину, бьет по другой щеке. Звук глухой и звонкий одновременно. Тишина летит по двору, как пороховой след. Все потрясены, но никто не вскрикнул, не возмутился. Сцена как будто всех загипнотизировала. Что творится? Взрослый напал на ученицу на территории учебного заведения!

Пьер Бо впервые ударил Нину. Нет, второй раз. В шесть лет она раскрасила овощи с огорода синим фломастером, и он наподдал ей по попке.

Старик хватает внучку за воротник, вздергивает вверх, трясет и вопрошает молящим и одновременным ледяным тоном:

– Ты что, не понимаешь?! Не отдаешь себе отчета в том, что творишь?

Он готов убить ее на месте. Изничтожить. Его приводит в чувство гробовая тишина вокруг.

«А я-то сам что сейчас делаю?»

Бо медленно опускает внучку на землю. Он изумлен, все его движения замедленны. Нина похожа на марионетку с алыми щечками. На коже отпечатались пальцы деда. Глаза наполнились слезами, она дрожит, как в лихорадке. Пьер наконец осознает, что все на них смотрят. Подходит молодой, лет двадцати, надзиратель, восклицает:

– Что тут происходит?!

– Прости меня, – очень тихо, одними губами, шепчет Нина.

Совершенно потерявшийся Пьер Бо резко поворачивается и бежит прочь со двора, прыгает в машину, роняет голову на руль и начинает рыдать, содрогаясь всем телом. Одиль и Джо Дассен смотрят с небес и возмущаются. Жена ни за что его не простит.

– Ты все видела, она сама напросилась!

Одиль не отвечает, дует на него, и пижон Дассен наверняка этим воспользуется.

12 декабря 2017

Двадцать семь лет спустя я во всех деталях помню события того апрельского утра. Остановившееся мгновение. Мы смотрим на Пьера Бо, замерев от ужаса. Он бьет Нину по щекам, никто ничего не понимает. Что это, сон или явь? Сцена длится минуту, не больше. Маленькая темноволосая голова грозит оторваться. На Нине черный свитер с серыми бабочками, они напоминают увядшие цветы. Она извиняется перед дедом, не защищается, не выглядит обиженной. Каждый спрашивает себя: «Что она натворила?» Хорошо разглядели сцену все и, разойдясь по домам, домысливали, строили предположения, экстраполировали:

«Она наверняка с кем-то переспала. В точности как мать. Старик узнал и не стерпел. С Больё или с Бобенем? С обоими сразу? Она беременна. Подумать только, в четырнадцать лет! Да, точно залетела. Ужас какой...»

После бегства Пьера Бо во дворе коллежа из уст в уста передавался один и тот же вопрос: «Кто этот старик?» Ответ был: «Ее дед...»

Смушение на лицах, натужные смешки, кто-то пожимает плечами. «Что у тебя после перерыва? – «Час самоподготовки. Физкультурник заболел. А у тебя?» – «Английский. Сдвоенная математика и контрольная...» Девочки спраши-

вают Нину: «Ну ты как?» – стоя сантиметрах в десяти от нее, как будто бояться покинуть некий периметр безопасности, перейти границу. Всем известно, что право первенства у Этьена Больё и Адриена Бобена. *Нина неприкосновенна.*

Что было дальше? Адриен повел Нину в медкабинет, а Этьен, как полный болван, остался стоять посреди двора. Потом они с сестрой отправились в столовую. Две пощечины подорвали единство троицы.

Нина обвинила во всем свою мать. Она рассказала Адриену, что накануне чуть глаза не сломала, изучая фотографии, которые прислала Мари-Лор. Она хотела их припрятать, а дед нашел все у нее под подушкой. Адриену была известна тайна писем. Только ему.

Мать всегда будет приносить ей одни несчастья. Нужно все бросить, больше не искать доказательств ее существования, не пытаться понять, какой она была и почему бросила Нину на отца, как узел грязного белья. Дед полюбил ее – сразу, а она его разочаровала.

Я готовлю рождественский конверт для приюта Нины. Кладу внутрь деньги. Надписываю: «Нине Бо – лично, в собственные руки» – большими печатными буквами, чтобы она не узнала мой почерк. Смешно, откуда ей знать, что я – это я?

По ассоциации в голову приходит мысль о выдавшем Нину анонимном письме. Исток драмы. Вряд ли она узнала, что ее дед сделал с найденными конвертами, выбросил или

доставил по адресам. Мне известно одно: Жан-Люк Моран и его предполагаемая вдова живы, здоровы и участвуют во всех турнирах по белоту.

Я всегда отправляюсь в приют как воровка, поступаю как все тусовщики, что привязывают своих псов к решетке забора под покровом ночи, вместо того чтобы посмотреть людям в глаза при свете дня.

С начала этого месяца я уже третий раз еду к Нине на работу. Такого раньше не было. Никогда. Конверт с деньгами лежит на пассажирском сиденье.

Зимой я не выхожу из дома после девяти вечера. У меня образовались новые привычки. Совсем незначительные. Привычки ведь всегда незначительные. Моя работа, мои сериалы, мои передачи, соцсети, еда, стопка романов на тумбочке у кровати.

Фары высвечивают пластиковых Пер-Ноэлей перед домами, еловые венки на дверях, гирлянды, мерцающие вокруг окон, Рождество на прилавке.

Рождество без снега. Здесь оно наступает только в середине января.

Я еду вдоль пустыря, где еще месяц назад доминировал коллеж Вьё-Коломбье. Всеми покинутый. Исчезли даже предметы, которые мы любим, – музыка, рисование и труд.

Наш старый коллеж «ушел под воду».

Нужно сбросить скорость, иначе в такой туман и гололед того и гляди слетишь в кювет. Выезжаю на узкую дорогу к

приюту, вижу два или три отдельно стоящих дома. На одном горят красные и зеленые огоньки.

Рождество. Дней через десять Этьен приедет к родителям, он поступает так каждый год. Как послушный мальчик, всегда вовремя возвращающийся домой. Раз в год Этьен появляется на улицах Ла-Комели, заходит в табачную лавку за сигаретами. Его большая машина стоит на площади рядом с церковью. Там он ждал Нину с Адриеном на скейте, чтобы вместе идти в бассейн.

Интересно, он думает о них? А об *этом*? Если окажется, что останки в машине принадлежат Клотильде, его это встревожит?

Я дважды видела его и оба раза пряталась. Пряталась, ждала, когда он исчезнет, как сквозняк, как ливень, как солнечный удар.

Этьен Больё парализует меня, лишает дара речи.

В прошлом году мы едва не столкнулись в церкви. Я этого не ожидала, хотя знала, что встретить его можно только между 23 и 26 декабря. Время было 18:20. Мессу в Ла-Комели служат в 18:30. Я шла ко входу, закутанная в длинное пальто, и вдруг узнала его силуэт, его походку. Он был в метре от меня. Один. В толстой куртке на меху, в капюшоне. У меня мурашки побежали по коже. *Это он.* Он меня не видел, затаился сигаретой, выдохнул дым. Всегда забываю, до чего он высокий! Я обернулась и увидела спину Этьена, он шел к центру города. Ну, к тому, что от него осталось.

Потом я долго не могла справиться с дрожью, поэтому снимки маленького Иисуса для газеты, сделанные в тот вечер, получились нечеткими. Я все время вспоминала, что Этьен прошел мимо и был так близко, так близко...

Стоянка у приюта пуста. Вокруг очень тихо, даже собаки спят. Я не выключаю ни двигатель, ни фары, иду к проржавевшему почтовому ящику. Клапан скрипит, когда я поднимаю его. Мне не по себе, как человеку с нечистой совестью.

– Это ты?

Я вздрагиваю. Замираю с конвертом в руке.

– Это ты? – снова спрашивает она как о чем-то очевидном. Подобным тоном задают вопрос супруги, прожившие вместе лет двадцать: «Это ты? Хорошо прошел день? Садись поудобнее, я налью тебе выпить». – «Дети вернулись? Твоя мать звонила? Что у нас на ужин?»

Силуэт Нины, похожий на призрак, колышется за решеткой. В свете фар я вижу ее бледное лицо, иней блестками сверкает на волосах.

– Да, я.

Апрель 1990

Пьер Бо вернулся домой в помраченном состоянии ума, запечатал украденные Ниной конверты, убрал их к остальным, в свою сумку, постирал белье, застелил постели чистым и больше ни разу не заговорил о случившемся. Даже с Ниной. Вечером она явилась пристыженная, понурая, мечтающая стать невидимкой, лечь живой в могилу и присыпаться сверху землей. Дед подал ей два горячих бутерброда с сыром, ветчиной и зеленым салатом и велел все съесть, пока не остыло. След его пальцев на каждой щеке внучки побледнел, но совсем не исчез. Она не решилась признаться, что не голодна, молча проглотила ужин, приправленный слезами, и ушла к себе. Стоя перед кроватью, Нина машинально сунула руку под подушку, чтобы достать анонимку, но листка там, конечно же, не оказалось. Она досадливо поморщилась, вынула из ящика стола конверт с фотографиями матери и открыла окно, потом щелкнула зажигалкой, которую забыл Этьен, подожгла уголок конверта и выбросила его на козырек крыши, несколько раз повторив про себя: «Ты во всем виновата, грязная шлюха!»

Накануне Нина до рези в глазах вглядывалась в снимки, пытаясь представить себе, как выглядела Марион наяву. *О чем она думала? С кем дружила? С матерью Этье-*

на? Дружба передается по наследству? Она доверяла Мари-Лор? Знала уже тогда моего отца? У меня ее глаза? А нос? А улыбка? Какой у нее был голос? Куда подевалась одежда, которая была на ней в тот день?

Нина смотрела, как догорает в водосточном желобе бумага, и думала, думала, думала...

Через несколько дней она нашла на кухонном столе адресованное ей письмо, проштемпелеванное накануне в Ла-Комели. Адрес был написан знакомым почерком, и она решила прочесть его в своей комнате, за закрытой дверью.

Милый мой зайчонок! Это письмо тебе не придется тайком забирать из моей сумки. Оно твое по праву. Читать чужую почту – серьезный проступок, но я все равно прошу у тебя прощения. Я не должен был поднимать на тебя руку. Никогда. Но я испугался – как суетливый старик. Ты совершила ужасный поступок, это бесспорно, а я не имел права на рукоприкладство в присутствии твоих товарищей. Ты моя малышка, и я не имел права. Ты – беззащитная, ты – зеница моего ока, и мне стыдно. Я всегда буду мучиться из-за того, что сделал, и надеяться, что ты когда-нибудь простишь меня.

Любящий тебя дед.

Неуверенный, детский почерк Пьера перевернул душу Нины, и она ответила открыткой с Синей птицей в память о сказке, которую Пьер читал ей в детстве.

«Дедуля, я прочла и снова прошу у тебя прощения.

Я искала любовные письма, думала, они есть в твоей сумке, и зарвалась. Постараюсь никогда больше такого не делать.

Еще раз – прости меня!

Твой зайчонок».

15 июля 1990

Нина отпразднует четырнадцатый день рождения на морском побережье, в Сен-Рафаэле. Она уже собрала чемодан. Коричневый, из картона и дерматина, совсем не модный, он когда-то принадлежал Одили и лежал на шкафу в комнате деда. «Пусть теперь будет твоим...» – сказал Пьер Бо, расставаясь с реликвией.

Нина позвонила Адриену.

– Как выглядит твой чемодан?

– Как торба хиппи – он мамин, в розовых цветочках...

Вудстокская штучка!

– Моему сто лет, он воняет нафталином.

– Хочешь, поменяемся?

– Не могу... Бабушкино сокровище... У деда будет сердечный приступ, если он узнает.

Пьер Бо подарил внучке десять банкнот по 100 франков. Впервые в ее маленьком кошельке лежит такая куча денег. Еще он собрал ящик овощей, чтобы Нина ела их с друзьями на каникулах. Ей неловко тащить с собой помидоры и зеленую фасоль, но она не посмела перечить деду, потому что понимала: Пьер делает для нее все, что в его силах, и ему горько, что он не мог сам устроить внучке путешествие мечты.

3 часа утра. Нина лежит на кровати с открытыми глазами и слушает удары своего сердца. Через час дед постучит в дверь – она будет готова! – и повезет ее к Больё. Она сядет на заднее сиденье «Рено Эспас» вместе с Адриеном, Этьеном и Луизой.

А в конце пути появится море. Как в «Голубой бездне». Они смотрели фильм трижды. «По разу на каждого из нас...» – пошутил тогда Адриен.

Нина раз двадцать встает, открывает чемодан, проверяет содержимое и снова захлопывает крышку. Ей жалко бросать дома Паолу и котов, но море есть море, ради него можно пожертвовать и этим. Ненадолго. Она ждет встречи с незапамятных времен. Это будет свидание с мечтой.

Чем занять еще час? Заснуть не получится.

В соседней комнате не спит Пьер Бо. Он думает о чемодане Одиль, который так и не решился выбросить. Последний раз Пьер открывал его, когда вернулся из больницы. Одиль умерла так быстро, что вещи ей не понадобились.

Они слишком поздно приехали в больницу.

Если бы можно было все изменить...

Они купили чемодан в 1956-м, на Большом базаре в Отёне. Одиль понадобилась сушилка для белья, а на чемодан была большая скидка, и она сказала: «Давай купим, а? Поедем с ним в отпуск!»

Они ни разу не были в отпуске. Одиль ушла от него – одна. Летом они по воскресеньям купались в Лесном озере, хо-

дили на танцы и городские праздники, а иногда ездили на Сеттонское озеро, катались на катамаране, устраивали пикник под деревьями. Но никогда не пересекали границу Морвана⁴⁷.

Как-то раз Пьер и Одиль уснули в одном спальнике, прижавшись друг к другу, как сардины в банке.

Этой ночью Пьер Бо словно наяву слышит смех жены, считающей звезды на небе.

Нина покидает родной дом впервые с того дня, как Марион принесла ее сюда. Пьер готовится к пустоте, мысленно перебирает дни без внучки. Дни отпуска без отдыха в июле. Он займется садом, будет выгуливать Паолу, прокрасит каждую заклепку. Сделает летом весеннюю работу. Короче, найдет, чем занять руки.

Ему немножко совестно, что он ни разу не свозил девочку на море. Профсоюзный комитет помогает недорого снять жилье на юге, так что дело не в деньгах, а в нежелании ломать стереотипы, рулить по улицам Ла-Комели, ехать долго, далеко, в неизвестность, путаться в дорожном атласе, встречать новые лица, облачаться в плавки...

Когда он в последний раз их надевал? Как минимум тридцать лет назад.

Пора. Все прощаются у машины. Нина смотрит, как Жо-

---

⁴⁷ Морван – плоскогорье в регионе Бургундия, на востоке Франции, в департаментах Сонна-и-Луара, Йонна, Ньевр и Кот-д'Ор. Горы Морван в просторечье называются Черными горами.

зефина обнимает сына. Дед неловко касается губами ее щеки. Плевать, что неловко и сухо! Считается только любовь. У Нины перехватило горло – они расстаются впервые. Пьер спрашивает шепотом:

– Лекарство от астмы не забыла?

Каждый занимает свое место, пристегивается. Марк Больё сидит за рулем, Мари-Лор – рядом, на штурманском сиденье, иногда она тоже будет пересаживаться назад. Отъезжающие машут остающимся.

«В жизни всегда так, – думает Нина. – Одни остаются, другие уезжают. А еще есть те, кто бросает...»

12 декабря 2017

– Я подозревала, что денежные конверты от тебя... – говорит Нина.

Я чувствую себя почти виноватой, как будто меня застукали на месте преступления. Сажусь в машину, выключаю двигатель, фары и возвращаюсь к ней.

Она поворачивает ключ в замке калитки.

– Ты знала, что я вернулась?

– Да.

Нина наливает мне кофе в чашку с надписью *I love La Comelle*⁴⁸.

Кабинет освещают три бледные неоновые лампочки.

На стенах – плакаты на тему стерилизации.

Портрет одноглазого кота с подписью: «Здесь всем дают шанс на усыновление!» К доске приклеены фотографии собак и кошек. У всех есть имена. Диего, Роза, Белянка, Нуга... «Интересно, это Нина их крестит?» – думаю я.

В Инженерном коллеже имелся словарь имен. Нина подчеркивала карандашом те, что собиралась в будущем дать своим детям.

Я чувствую ее взгляд, но глаз поднять не смею, смотрю на

---

⁴⁸ Я люблю Ла-Комель (англ.).

руки. В юности она красила ногти красным лаком, он быстро облезал, и пальцы выглядели неопрятно. Меня это до ужаса раздражало.

Хочу вскочить и крепко обнять Нину, но не решаюсь – после того, что сделала при нашей последней встрече.

Спасибо уже за то, что она пустила меня внутрь и напоила этой бурдой!

Когда тишина становится невыносимой, я спрашиваю:

– Почему ты еще на работе в столь поздний час?

– Ждала тебя. Во всяком случае, так мне кажется, – отвечает она.

* * *

15 июля 1990

Сен-Рафаэль.

«Подъезжаем...» Каждый произнес это слово на свой лад. Мари-Лор – радостно. Марк – с облегчением. Луиза – застенчиво. Этьен – обращаясь к Нине.

Она ищет глазами синь воды, замирая от счастья, сердце сбивается с ритма.

В кабине пахнет чипсами. Пустыми пакетами. Часами дороги за спиной. Они делают остановку недалеко от Валанса, чтобы заправиться, выпить кофе, размять ноги. От долгого сидения ноют все мышцы, но терпеть осталось немного.

В приоткрытое окно видна лазурная линия: море напоми-

нает небо, усевшееся на землю. Совсем как в песне Алена Сушона, которую обожает Адриен.

*Однажды, прекрасным усталым утром
Ты увидишь, что я присел
На тротуар в двух шагах от тебя...*

Этьен шепчет:

– Смотри, Нина, вот оно, твоё море.

Адриен кладет ей руку на плечо, как будто хочет подбодрить: «Мечта сбылась, оно рядом...»

– Идите на пляж, ребята, и ждите там, пока мы раздобудем ключи, – говорит Мари-Лор.

Луиза решает остаться с родителями в машине, она знает: троица – стенка, непреодолимое препятствие.

Адриен, Этьен и Нина выходят и слепнут от слишком яркого полуденного света. Солнце уже раскочегарилось на полную катушку, на песке лежат полотенца, формочки, детские игрушки. Море перед ними – огромное, бескрайнее, сверкающее, живое. «Море – это трепещущая вода, – думает Нина. – Оно дышит. Вдох – выдох, вдох – выдох...» Цвет у него просто невероятный, Нина никогда ничего подобного не видела. Ни открытки, ни экран телевизора не передают его красоты – парадоксальной, колдовской, тревожащей душу. Именно так Нина представляет себе свободу. «Козочка

господина Сегена»⁴⁹. Самая страшная история на свете, которую она тем не менее часто перечитывает. В прошлом году дед собрал ее детские вещи для «Народной помощи», и она в последний момент успела вытащить из мешка «Сказки для послушных детей».

Дедушка... Вот бы он сейчас оказался рядом, увидел то, что видит она, надышался запахами ветра, гонящегося за солнцем, сахара и мускуса.

Этьен сажает Нину на правое плечо и мчит по песку, стараясь не наступать на чужие полотенца. Она хохочет, вскрикивает, как маленькая. Адриен следует за ними по пятам, с любопытством поглядывая на зонтики и загорающих топлес женщин. Он впервые в жизни видит обнаженные женские груди не в журналах и фильмах, а воочию. Каждому свое, Нине – море, ему – сиськи. Адриен похотливо улыбается.

Этьен сбрасывает кеды, снимает обувь с Нины, она отбивается, вопит: «Нет, не надо, перестань!»

Он заходит в море и через несколько метров бросает ее в воду прямо в одежде. Соленая влага щиплет кожу, попадает в глаза, подплывает Адриен, они брызгаются, барахтаются, смеются во все горло, донельзя возбужденные и счастливые. «Я – властелин мира!» – орет Этьен, снова закидывает Нину на плечи, и она летит в воду головой вперед.

---

⁴⁹ А. Додэ. «Козочка господина Сегена». Перевод с французского Е. В. Лавровой. 2-е изд. СПб. 1899.

Он отпустил вожжи и как будто ничего больше не контролирует. Давненько такого не бывало! Плевать на внешний вид, на прическу, на кожу, на хорошие отметки!

Постепенно троица успокаивается, выпускает истому через все поры, они набирают в рот соленой воды, выплевывают ее. Мокрая одежда, похожая на крылья попавшей под дождь бабочки, стесняет движения. Они держатся за руки, образуют звезду – новую, неведомую, единственную в своем роде.

Нина то и дело начинает петь «Твои черные глаза», нарочно меняя слова:

Иди сюда, иди со мной, больше не уходи без меня...

Ну же, иди сюда, останься здесь, не уходи больше без меня...

И мы будем видеться каждый день, когда вернемся...

Сверкают твои черные глаза...

Куда ты исчезаешь, когда уходишь в никуда...

Ты достаемь свои шмотки, одеваешься...

Плавать в небе.

* * *

Из вежливости допиваю отвратительный кофе. «Кошачьи письки...» – мысленно ворчу я, глядя на снимок пастушьего пса. Банджо, семь лет.

– Увидела твою фамилию в «Журналь де Сон-э-Луар», –

сообщает Нина.

– Подменяю отпускников... сейчас тоже... Знаешь про Лесное озеро?

– О машине? Да... Думаешь, это *она*? Была там все эти годы?

– Они пока не уверены... Нашли ведь только скелет...

– Кошмар...

– К угнанной тачке Клотильду привязывает только дата.

– 17 августа 1994-го... день похорон, – едва слышно произносит Нина.

Мы долго молчим. Она наверняка думает об Этьене, но имени его не произносит. Я тоже о нем думаю.

– Случайно, не хочешь взять кота? – спрашивает Нина.

– Случайно?

Нина нагибается, приподнимает одеялко: в коробке из-под мужских ботинок 43-го размера спит крошечный черный котенок.

Я пользуюсь моментом, чтобы полюбоваться руками Нины, ее тонкими изящными пальцами с короткими ногтями, притворяюсь, что очарована зверьком, а сама вдыхаю запах человека. Пытаюсь уловить исчезнувший аромат ванили. Хочу закрыть глаза и провести остаток дней рядом с Ниной. Иногда ностальгия оборачивается проклятием, отравой.

– Его нашли в мусорном баке. Может, заберешь? Черных кошек трудно пристраивать. Древние суеверия живучи...

– Согласна.

– Будешь хорошо о нем заботиться?

– Да.

– Лучше меня?

– ...

– А что Этьен? – Она резко меняет тему. – Вы виделись?

– Нет.

Нина задумывается. Смахивает пушинку со свитера и все-таки задает вопрос:

– Как поживает Адриен? У него все в порядке?

– Надеюсь.

Нина поднимает глаза, смотрит, не отводя взгляда. Со-
всем не изменилась.

– Я по нему скучаю, – говорит она и, как будто пожалев о своей откровенности, пихает мне в руки коробку. Котенок открывает один глаз, тут же закрывает и засыпает. Я утыкаюсь носом в шелковистый мех, пахнущий соломой.

– Его отняли от кошки, молоко ему больше не требуется. Я дам тебе несколько пакетиков корма. Несколько дней держи его взаперти, нечего ему делать на улице, тем более зимой. Никогда не забывай наливать в миску свежую воду. Переноску и лоток получишь сейчас.

– Как ты узнала, что я приду сегодня вечером?

– В конце года, в декабре, ты появляешься между 15-м и 20-м... Разве нет? Спасибо за деньги.

– Ты знала, что это от меня?

– Ну а от кого еще?

Она надевает пальто.

– Подвезешь меня до дома? Кристоф взял нашу машину, поехал к ветеринару и до сих пор не вернулся, а я так вымоталась, что хочу одного – рухнуть в постель и заснуть.

– Кристоф твой муж?

– Нет, он сотрудник приюта, тот самый бородатый верзила, который забирал у тебя корм.

– Ты и про корм знаешь?

– Да.

– Понятно... Ладно, поехали.

Нина забирается на пассажирское сиденье, я поворачиваю ключ в зажигании, и мы слышим «Жизнь прекрасна»⁵⁰ группы *Indochine*. Тянусь выключить радио, но она меня останавливает:

– Оставь, обожаю эту песню.

– Не разлюбила за столько лет?

– С чего бы?

Мы отправляемся делать жизнь, пробуем суметь хоть это...

Мы отправляемся делать ночь – так далеко, как захочешь...

Жизнь и прекрасна и жестока, иногда похожа на нас...

Но я родился только затем, чтобы быть с тобой...

Нина мурлычет, глядя на дорогу, как будто машину ведет

---

⁵⁰ La vie est belle (фр.).

она, а не я.

– Как ты его назовешь?

– Кого?

– Кота.

– Это девочка или мальчик?

– Вроде мальчик, но он слишком маленький, так что утверждать на все сто не возьмусь.

– Николая. В честь Николая Сиркиса.

Она улыбается – впервые за вечер.

22 сентября 1991

Им пятнадцать лет. Они поступили в лицей и вместе пришли к консультантше выбирать направление и предметы. Ну и рожа у нее была!

У Этьена – литература и математика, у Адриена – литература и «живые» языки, у Нины – литература и пластические искусства. У них много общих занятий, одни и те же преподаватели и даже аудитории.

Один никогда ничего не делает без двух остальных. Решения принимаются коллегиально. Насчет всего – штанов, платья, музыки, футболки, вечеринки, фильма, книги, у кого заниматься.

Нина и Этьен часто переругиваются. Она считает, что он возомнил себя старшим братом и все время указывает ей, что делать: «Смени прическу...», «Говори тише...», «Черт, ну ты и дура...», «Перестань хвастаться!»... Такое впечатление, что Этьен нарочно раздражает Нину, дразнит ее.

Адриен успокаивает их, не повышая голоса. Он ближе к Нине, чем к Этьену, и обожает особые, редкие моменты, когда они остаются вдвоем в ее комнате. Адриен слушает, Нина объясняет, что чувствует, иногда он помогает ей навести порядок, позирует – в энный раз.

– Не шевелись.

Он ни разу не узнал себя на карандашном портрете...

Этьен – самый неуживчивый и резкий, Адриен – самый обидчивый, Нина – самая чувствительная.

Когда-то она боялась, что они повзрослеют и близость исчезнет, но этого не случилось. Ей не пришлось искать «лучшую подругу», несмотря даже на манеру Этьена рассуждать вслух о своем детородном органе. «Интересно, он будет длинным, мощным или то и другое сразу?», «Сколько лет он будет расти? Лет до двадцати?», «Это наследственное? Думаешь, у меня будет такой же, как у отца и брата?»...

Нину не смущает, что на подобные темы не беседуют даже родные брат с сестрой, она для него нейтральная территория.

– Я – твоя Швейцария, – часто повторяет она.

Троицу связывает не только нерушимая дружба, но и песни, которые они часами сочиняют, и план на будущее, который непременно воплотится в жизнь: уехать, сдать бакалаврские экзамены. Они снимут квартиру, будут платить поровну, начнут работать и в конце концов попадут на сцену «Олимпии».

Адриен тайно мечтает о признании, он хочет, чтобы музыка и тексты песен прославили его, тогда родитель заткнется, исчезнет вместе с запахом вечной мятной жвачки. У Этьена мечта попроще – куча денег и легкая жизнь. Нина надеется, что будет петь, рисовать и встретит большую любовь, о чем заявляет громко и ясно.

– Я согласна только на великую любовь!

Она планирует выйти замуж и родить троих детей. Двух девочек и мальчика. Она даже имена уже выбрала: Нольвен, Анна, Жоффруа.

– Буду рисовать мою семью и петь детям и мужу.

– Сначала найди его, потом поговорим! – подкалывает ее

Этьен.

Они флиртуют на стороне, гормоны будят новые желания, их тянет к иным телам, но страхи, тревоги, жвачку и мнения делят только друг с другом.

– Я – левая, – утверждает Нина. – Нужно делиться.

– Я тоже, – заявляет Этьен, имея в виду: «Я не такой, как мой отец!»

– Аналогично, – поддерживает Адриен, он преклоняется перед Франсуа Миттераном – за то, что его любимая книга «Любовь властелина»⁵¹.

* * *

Как и каждый год, на соборной площади открывается ярмарка. На уик-энд Ла-Комель рядится в праздничные одежды. Улицы пропахли алтеем и маршмеллоу.

Этьен стреляет из карабина, Адриен и Нина тихонько мурлычат песни, несущиеся из репродукторов: «Провали-

---

⁵¹ Belle du Seigneur (*фр.*) – роман швейцарского писателя Альберта Коэна, вышедший в 1968 г. Женева 1930-х гг.: средиземноморский еврей работает в Лиге Наций, у него роман с женатым швейцарским аристократом.

вай»⁵², «Отёй, Нейи, Пасси»⁵³, «Черное и Белое»⁵⁴, «За то, чего мы не сумели»⁵⁵.

Ветер ерошит волосы Нины, она поглядывает на ребят постарше. Ровесники ее больше не привлекают. Она забыла Жюля Бернара, свою любовь двухлетней давности. Как-то раз, вечером, он поцеловал Нину перед спортзалом, и ей не понравился ни его язык, ни вкус табака. Они разошлись с обветренными губами, бросив друг другу: «Пока, до завтра...»

Нина в панике позвонила Адриену: «Ужас, ужас, ужас! Что я скажу ему при встрече?» Он посоветовал поздороваться и поцеловать парня в щеку. Вполне достаточно.

С Адриеном все просто, ясно и прозрачно. Он как река, без течений и штормов – если забыть о «дне Пи» и разбитых очках тирана.

Время от времени Этьен вклинивается между друзьями, чтобы пообниматься, и возвращается к ружью, а когда выигрывает приз, просит Нину выбрать между белым мишкой и ручкой. Он старается получить крупные выигрыши – стерео-

---

⁵² Bouge de là (*фр.*) – сингл Клода М'Барали (род. в 1969), более известного как MC Solaar, который считается одним из пионеров французского рэпа.

⁵³ Auteuil, Neuilly, Passy (*фр.*) – песня, записанная сатирической группой *Les Inconnus* в 1991 г.

⁵⁴ Black and White (*англ.*) – первый сингл восьмого студийного альбома *Dangerous* («Опасный») (1991) короля поп-музыки Майкла Джозефа Джексона (1958–2009).

⁵⁵ À nos actes manqués (*фр.*) – второй сингл одноименного альбома (1991) французского трио: Жан-Жака Гольдмана, Кэрл Фредерикс и Майкла Джонса.

систему, телевизор, видеомэагнитофон, – хотя все это у него уже есть. К Этьену липнут девицы, часами толкуются рядом, и он иногда уходит с одной из них, чаще всего с самой красивой и ярче всех накрашенной, большегрудой и без прыщей. Боится заразиться. Сделав с избранницей кружок на мотоцикле, Этьен награждает ее прощальным поцелуем и идет к своим шарикам.

По субботам они устраивают «совместное спанье». Ребята держат в комнате Нины раскладушку, и Пьер Бо не видит в этом ничего дурного, потому что Адриен и Этьен для него – члены семьи. Пусть ночуют в доме, это лучше, чем отпускать невесть куда Нину.

Его крошка изменилась. Пьер едва узнаёт внучку. Пусть бы уж тайком приносила домой животинок...

Теперь она слишком шумная. Хлопает дверьми, включает музыку так громко, что стены дрожат, орет: «Ты меня не понимаешь!» – все время плачет. Гримасничает, услышав замечание, часами сидит в ванной, забывает смыть с раковины следы хны, запирает дверь своей комнаты на ключ, штукатурит лицо, как угнанную тачку, ругается, как грузчик, стоит выскочить на щеке малюсенькому прыщику.

Шелковой девочка становится, когда просит разрешения пойти на день рождения к приятелю или подружке.

– Все останутся ночевать. Предки будут дома... Пжалста, дед... ну ты же обещал... Я получила 17 за естеству...

– Это что еще за дисциплина? – изумляется Пьер Бо.

Нина закатывает глаза.

– Ес-тес-твен-ные на-у-ки, – по слогам, как слабоумному, объясняет она.

Он прекрасно знает, что такого предмета нет среди тех, что изучает внука, но решает не выяснять отношений.

Пьер не хочет говорить «нет» – он не готов к схватке с маленькой тираншей – и уступает. Чтобы сохранить мир, нужно выдавать разрешения, как бонусы. Кроме того, девочка хорошо учится и в жизни не пропадет.

На дни рождения друг к другу ребята ходят со спальниками. Родители пока что не отлучаются из дома, но в комнату к детям входят, только постучав. Окна открывают, чтобы не застаивался табачный дым.

С полдниками и «Оазисом» покончено. Они жаждут новых ощущений, пробуют все, что запрещено: алкоголь, сигареты, травку, гашиш.

Одна Нина не балуется из-за астмы. Она не так вынослива, как остальные, и, даже выпив, помогает девчонкам, которых тошнит, уворачивается от шаловливых ручонок парней, жаждущих «воспользоваться моментом», а в крайнем случае может и ногой по заднице наподдать. Это общеизвестно, все принимают Нину такой, какая она есть. «Пригласишь Этьена, будут и Нина с Адриеном. Позовешь Нину, Этьен с Адриеном тоже придут...» Адриена терпят за покладистость. Он слишком молчалив и потому неинтересен пятнадцатилетним подросткам. Адриен читает запоем, сочиняет тексты

к песням, играет на синтезаторе и обожает чай – эти достоинства ценят девицы повзрослее. Некоторые особы женского пола обожают начитанных музыкантов-чаевников.

12 декабря 2017

Нина опускает стекло, смотрится в зеркало и снова закрывает окно.

У нее на коленях дремлет в коробке котенок по имени Николая. «Что я буду с ним делать, когда он проснется? Сумею ли заботиться о нем как следует? Господи, у меня никогда не было ни пса, ни кота. Даже улитки не было».

– По-твоему, я изменилась? – спрашивает она.

– Нет.

– Ни на вот столько?

– Нисколечко.

– Мне сорок один год!

– Не возраст меняет людей.

– Неужели? А что тогда?

– Почему мне знать... Наверное, жизнь.

– Интересный подход... У меня она много чего отняла!

– Верно, зато *он* не сумел отнять у тебя все. Хочешь доказательство? Ты совсем не изменилась, клянусь тебе. Ты все та же Нина Бо.

– Та, да не та... Я изменилась.

– Где ты живешь? – спрашиваю я.

– Сама прекрасно знаешь.

– Откуда?

– Думаешь, я не вижу, как ты проезжаешь мимо моего дома? Проверяешь, на месте ли хозяйка...

– ...

Нина умолкает и переводит взгляд на дорогу. Через три минуты она выйдет из машины. Я еду «шагом», молюсь, обращаясь к двигателю: «Да заглохни же ты, наконец!» – но мы в пятистах метрах от цели. Я, должно быть, ошиблась маршрутом.

– Включить музыку?

– Не стоит, – устало отвечает она.

Я паркуюсь у тротуара. Она шепчет:

– Спасибо за прогулку.

– Мы еще увидимся?

Нина смотрит на котенка.

– Пока, Николая, будь умником.

Хлопает дверца. Со спины я бы дала Нине лет пятнадцать, не больше. Мне хочется плакать. Она открывает калитку и исчезает в темноте.

Мой последний вопрос остался без ответа.

* * *

Нина входит. Закрывает за собой дверь, слушает, как отъезжает машина. Скидывает обувь, замечает камешек под каблуком, но сил нагнуться нет. Она устала до тошноты. У ног крутятся шесть ее котов, все как один старые и увечные,

несколько одноглазых: она берет к себе самых обездоленных, которых вряд ли кто захочет усыновить.

– Привет, мохнатые!

У нее начинается кашель, может, простыла, или астма подает голос. Нина – пациент со стажем, умеет отличить ураганный приступ от банальной респираторной инфекции и потому не пугается. Она идет на кухню и задает корм живности, напевая:

*Жизнь прекрасна и жестока,
И на нас порой похожа,
Я родился, чтобы быть с тобой...
Мы смешаем наши крови,
Станем мы непобедимы,
Сделаем скорее это мы с тобой...*

Нина разогревает в микроволновке вчерашний суп, кладет на тарелку два гренка, достает коробочку с мягким сыром. Проходится пылесосом, чтобы убрать шерсть, открывает на пять минут окно.

В ее комнате холодно, дует из кошачьей лазейки. Звери без конца мотаются туда-сюда между домом и садом, приходится повернуть колесико термостата.

Нина принимает обжигающий душ и ложится в кровать, где ее уже ждут три питомца. Она включает ноутбук, проверяет почту – личную и приютскую. В личную написал Ромэн Гримальди, сообщил новости о Бобе и прикрепил фото пса,

спящего на диване рядом с толстым котом.

Добрый день, мадам Бо, у нас все хорошо. Я понял, что Боб – мой пес, как только увидел его фотографию на сайте приюта. Мы с ним не расстаемся, старик Радий тоже его принял. Надеюсь, у вас все в порядке. До скорого.

Ромэн Г.

Нина, не раздумывая, печатает ответ:

Что вы делаете сегодня вечером?

Он отвечает мгновенно:

Ничего особенного, сейчас 21:00, я поужинал.

Боб и Радий тоже. А что?

Хотите увидеться?

Сейчас?

Да.

Чтобы поговорить о Бобе?

Нет. Где вы живете?

Улица Роза-Мюллер, 7.

Еду.

Окей...

Нина идет в ванную. Мажет кремом обветренные губы. Надевает любимые джинсы, о которых почти забыла, и единственный приличный свитер. Он черный и «кобедняшный», она его практически не носит, разве что на ежегодный прием к мэру. Нина проводит рукой по волосам. Старается ни о чем не думать. Это главное. Машины у нее нет, но идти до

дома Гримальди минут десять.

Она шагает стремительно, спрятав лицо в воротник пальто. Разогреться и ни о чем не думать. Идти по знакомым до боли тротуарам, мимо палисадников, домов, садов, сараев, гаражей и витрин. Названия магазинов Нина может перечислить, как детские считалки. В школьные времена они с Адриеном и Этьеном встречались у церкви, когда собирались в бассейн. Сейчас она идет по следам своего прошлого. Снежинки сыплются ей на волосы и не тают. Когда она в последний раз бежала на свидание?

Февраль 1993

Лицей находится в десяти километрах от Ла-Комели. В семь утра они садятся в автобус, по дороге забирают учеников, живущих в разных глухих углах, – те, еще не до конца проснувшиеся, ждут на обочине, ну чисто каторжники! Никто рта не раскрывает, слышно только, как с пыхтением открываются двери. Подростки дремлют. Все поздно легли накануне – слушали по радио *Lovi'Fun*⁵⁶. Ведущие радио-шоу Док и Дифул отвечают на любые вопросы: ориентация, кад-реж, акне, страхи, фобии, стыд, точка «G»⁵⁷ и эрогенные зоны вообще, презервативы, смазка, содомия, терроризм, насилие и так далее. Каждый приникает ухом к приемнику, пыта-ясь угадать по голосу, кто осмелился задать животрепещу-щий вопрос в прямом эфире, признаться в любви или сексу-альной ориентации. «Моя подружка не кончает, и с этим ни фи-га не сделаешь».

Автобус оказывается на месте в половине восьмого, и ли-

---

⁵⁶ Французское радио-шоу, сочетает развлекательную часть с ответами на во-просы слушателей, в основном подростков, на такие темы, как любовь, секс, нар-котики, самоубийство, психопатология, расизм, насилие и т. д. Программу ведут журналист и врач.

⁵⁷ Точка «G», или точка Грефенберга (название дано в честь Эрнста Грефен-берга, немецкого гинеколога) – эрогенная зона передней стенки влагалища.

цеисты минут тридцать болтают, курят или в срочном порядке доделывают домашние задания, чтобы их не оставили после уроков. Ребята зачеркивают в календарях дни, оставшиеся до каникул. Пытаются вычислить тему следующей контрольной. Говорят о СПИДе, о голодающих в разных странах, о том, как похудожественнее «раздырявить» джинсы, о стиле гранж⁵⁸, конфликте между Израилем и Палестиной или обсуждают сериал «Беверли-Хиллз». Девчонки хотят быть похожи на Мадонну или на Милен Фармер и читают Верлена, ребята подражают Курту Кобейну⁵⁹ или Боно⁶⁰, их восхищают Джим Курье⁶¹ и Юри Джоркаефф⁶².

Занятия начинаются в 8:00.

Домашние задания троица всегда делает вместе. Этьен все так же отлынивает. Тянет кота за хвост, подглядывает в записи Адриена и Нины, часто списывает. По воскресеньям к нему приходит репетитор-математик, чтобы подтянуть хотя бы до среднего уровня, и у него хватает совести не ныть:

---

⁵⁸ Стиль в одежде, антигламурное направление, ставшее протестом против укorenившихся эстетических норм и роскоши конца 1980-х.

⁵⁹ Курт Дональд Кобейн (1967–1994) – американский рок-музыкант, вокалист, гитарист и автор песен. Основатель и лидер рок-группы *Nirvana*.

⁶⁰ Пол Дэвид Хьюсон, известный под псевдонимом Боно, – ирландский автор-исполнитель, музыкант и филантроп. Лид-вокалист рок-группы *U2*.

⁶¹ Джеймс Спенсер (Джим) Курье-мл. (род. в 1970) – американский теннисист, бывшая первая ракетка мира.

⁶² Юри Джоркаефф (род. в 1968) – французский футболист, атакующий полузащитник.

«Так нечестно! Воскресенье – священный день отдыха! У всех людей...»

Отец безразличен к сыну, который только и делает, что разочаровывает его. Этьен замечает, как улыбается Марк Боллэ, глядя на своего старшего, с какой нежностью он смотрит на Луизу, а к нему неизменно безразличен – в любой ситуации.

Ближе к 19:30 Пьер Бо отправляется на кухню готовить ужин, и Адриен с Этьеном возвращаются домой.

Адриен и его мать садятся за стол в гостиной, перекусывают и смотрят «Новости в 20:00». Телевизор помогает ему, он бы не вынес молчания Жозефины, уж лучше пусть рвутся бомбы, люди убивают друг друга на гражданских войнах и в других конфликтах. Если на коленях поднос с едой, можно каждый вечер воображать, что ты на перемене или на пикнике.

Этьен редко торопится домой. В пять вечера уже темнеет, и душу подростка наполняет тревога. Будь его воля, он бы каждый вечер пил спиртное, чтобы растворить проклятый комок страха в желудке. Виски с кока-колой согревает кровь, веселит, дарит чувство полета, кажется, что во все части тела закачали гелий.

Луиза выбегает встречать Этьена, но девочка ему неинтересна, и он, едва поздоровавшись, спускается в подвал поиграть на синтезаторе, потом ужинает с сестрой на кухне. Еду им подает мадам Ранкёр, она приглядывает за детьми до ве-

вчера.

Закончив, Этьен снова идет в подвал. В девять возвращаются родители, и он, коротко поговорив с матерью – «В школе все в порядке? Надеюсь, ты не обижал сестру? Ты сыт? Душ будешь принимать?», – поднимается в свою комнату, смотрит телевизор или разглядывает порножурнал, который стащил из шкафа старшего брата Поля-Эмиля. Издания старые и сильно залистанные, но всем девицам на вид не больше двадцати. Этьен мастурбирует и забывается тяжелым сном.

Февральским утром 1993 года лицеисты не садятся в школьный автобус. Усталость, учебники и тетради остались дома, они гомонят и хохочут, предвкушая празднование Марди Гра. Все ученики и преподаватели встретятся в Шалонь-сюр-Сон, чтобы продефилировать по улицам. У каждого в рюкзаке сэндвич и бутылка воды.

Мальчишки, нарядившиеся в женские платья, парики, туфли на каблуках, хихикают, демонстрируя длинные, но... волосатые ноги. Другие выбрали костюмы Биомена⁶³, Дарта Вейдера, Спайдермена, они смотрят в окно, обсуждают какую-то вчерашнюю телепередачу. Этьен выбрал образ американского футболиста, и шлем мешает ему флиртовать с девицей, сидящей рядом, одной ягодичей на его левом бедре. Она размахивает руками, болтает – слишком громко, наклоняется, касается то плеча, то груди соседа. Нина, сегодня

---

⁶³ «Биомен» – японский телесериал в стиле сэнтай. Премьера состоялась в Японии в 1984 г., а в 1985 г. во Франции, на Canal +.

она в костюме феи, умирает от желания ударить нахалку по голове волшебной палочкой. Несколько раз.

– Ну как же она меня бесит! – жалуется она Адриену. – Еще чуть-чуть, и я испорчу ей прическу!

Адриен пребывает в мизантропическом настроении:

– Ты просто ревнуешь.

– А хоть бы и так. Я привыкла видеть Этьена с цыпочками, но эта меня нервирует. С тобой-то что? Дуешься с самого утра.

– Ничего со мной, – отвечает Адриен. – Совсем ничего.

– Не похоже... Ковбойский костюм жмет?

Он пожимает плечами: думай что хочешь. В голове крутятся мелодии трех песен Этьена Дао⁶⁴ – «Мифоман», «Он не скажет» и «Ковбой»⁶⁵.

*Ковбой, седлай лошадь, бери винчестер,
Снимайся с места,
Переверни страницу книжки с картинками...*

Луиза и младшие лицеисты сидят впереди, как им и положено.

«Всегда есть кто-то меньше тебя», – думает Адриен. На групповой фотографии их ставят в первый ряд.

---

⁶⁴ Этьен Дао (род. в 1956) – французский певец, автор песен и продюсер. С 1981 г. выпустил несколько поп-синглов, основанных на синтезаторе и рок-серфе.

⁶⁵ Mythomane (фр.), Il ne dira pas (фр.), Cowboy (англ.).

Луиза одета Коломбиной, на щеке нарисованы три черные слезки. Она то и дело оборачивается, чтобы взглянуть на троицу, встречается взглядом с Адриеном, и тот улыбается.

Сен-Рафаэль, их воспоминания перемешиваются.

Адриену хочется кричать, но он сохраняет внешнюю невозмутимость. Впивается ногтями в ладони. Нина обиделась. У нее слезы на глазах. Адриен делает глубокий вдох, толкает ее локтем, она поворачивается, изображая недовольство. Он кивает на игрушечный револьвер на поясе, вынимает его из кобуры и прицеливается в соседку Этьена.

– Хочешь, пристрелю ее?

Нина начинает хохотать.

12 декабря 2017

Я так боюсь «сломать» Николая, что не вынимаю его из коробки. Он урчит во сне. Все полученное от Нины в бумажном пакете *Label Nature* я поставила в центре комнаты и смотрю на котенка как на одну из моих глупостей. Первую я совершила очень давно, к сегодняшнему дню получился длиннющий список. Купленная на сельской ярмарке золотая рыбка, прогулы, жульничество, магазинные кражи, «пьяная» езда за рулем, петарды, взорванные среди лета в саду, незакрытый кран в ванной, признание в любви, не тот ответ, не та девушка, ослиное упрямство, невыполненные обещания, опоздания на поезд, потребительский кредит, отказ от вожаемой мечты в последний момент, руки без перчаток на морозе... Я много раз отводила взгляд, чтобы не здороваться с человеком, и потом сильно об этом жалела. Подписывала акт о продаже и заверяла его у нотариуса, занималась на работу, увольнялась, много пила, развратничала, миллион раз опрокидывала ту самую последнюю фатальную рюмку, а утром страдала от похмелья, садилась в машину к незнакомцу, покупала яркий свитер вместо черного, чтобы никогда его не надеть, начинала последний роман модного писателя, чьи книги невозможно дочитать до конца – «На этот раз мне обязательно понравится!»... Я сплет-

ничала, критиканствовала, злорадствовала, покупала брюки невозможного размера – «Ничего, когда-нибудь похудею!», – короче, творила бог знает что, вернее, то, из чего состоят жизни людей.

В двадцать четыре года я подло повела себя с Ниной. Увидела ее в фойе театра, она подошла, обняла меня, поздоровалась, радостно и застенчиво, как будто хотела сказать: «Вот видишь, я пришла, я тобой горжусь!» А я ответила:

– Привет...

Ничего более гадкого я сделать не могла. *Привет...*

Почему я так поступила? Из-за тупого снобизма. До сих пор стыдно так, что челюсти сводит.

Я была молода. Со вкусом одета. На афише спектакля значилось мое имя. Я принимала себя за человека, которым не была. Никто не должен этого делать под страхом смертной казни.

Мне кажется, что у Нины просторечный акцент, я только это и слышу, хотя у нее отродясь не было акцента. Никакого. Но я хочу беседовать только с теми, кто знает много красивых слов и умеет правильно формулировать. Не с жителями Ла-Комели, их всех – Нину в том числе! – я стесняюсь. От этих людей воняет детством, от которого я отреклась, и моими провинциальными корнями.

Нина бледнеет, улыбается. На ней новые шмотки, глаза крашены. Она постаралась, хотела сделать мне сюрприз.

Она остается, не уходит из театра, не поворачивается ко

мне спиной. Идет в зал и занимает место по билету, лично купленному в кассе.

Приглашения она не получила.

Нина сидит в последних рядах, а в конце аплодирует, не жалея сил, бьет в ладоши.

Я скрываюсь в одной из примерок, воображаю, как она ждет меня на тротуаре, но общаться с ней не хочу. Ни с кем не хочу. Вернусь домой одна. У меня есть смягчающие обстоятельства.

Стыд и сожаления никуда не деваются. Не бледнеют. Пребывают с нами вечно.

12 декабря 2017

Ромэн Гримальди открывает дверь. На пороге Нина. Ее глаза напоминают два черных озера.

Она здороваётся, бросает пальто на стул. Избавляется от уличного холода. Отодвигает его подальше. Дышит на руки. Лежащий на диване Боб поднимает голову, узнает гостью и бежит здороваться.

– Привет, старина.

– Выпьете чего-нибудь? – спрашивает Ромэн.

Она поворачивается, молча смотрит на него, подходит ближе. Ромэн улыбается, ему не по себе.

Она говорит:

– Мое тело мертво уже много лет. Кожа, не знающая прикосновений, гибнет. Тело, на которое никто не смотрит, оказывается в плену зимы, вечной мерзлоты. Других времен года оно не помнит. Забывает все желания. Теряет надежду на возвращение. Застывает в прошлом, в неизвестном месте. Не знаю где. Оно боится. Я боюсь. У моего тела нет настоящего. Хочу заняться любовью. Хочу понять, все ли забыло мое тело или кое-что еще помнит. Вы мне нравитесь. А я вам?

Он кивает – да.

Недоверчивое или сомневающееся «да». «Да», испугав-

шея Нининой порывистой искренности. *За кадром звучит тревожная музыка.*

– Я с удовольствием выпью что-нибудь крепкое, – произносит она на выдохе.

– Присоединюсь.

Ромэн отправляется на кухню. Нина слышит, как он открывает дверцы шкафчиков, достает стаканы. Ее сердце колотится, как при первой встрече с морем. Нужно оглядеться... Лампы, книги, низкий столик, телевизор работает с выключенным звуком, показывает документальный фильм об Индии, на экране течет Ганг, по берегу ходят женщины в сари. Стоп! Главное – ни о чем не думать! Поверь себе в кои-то веки!

Ромэн приносит стаканы и бутылку рома. Они пьют, глядя в глаза друг другу. На них даже одежда похожая, джинсы и черные свитера. Мать могла бы одеть так своих близнецов.

Он открывает рот, хочет что-то сказать – и их губы сливаются в поцелуе. Первый шаг сделали оба, одновременно. Несмотря на колебания и некоторую неловкость, они находят путь друг к другу, возвращаются плавность движений и стремительность жестов. Попытки. Подходы. Как у спортсменов. Он снимает свитер и футболку. Ей нравится запах его кожи. Первую ступеньку она одолела. Если тебе нравится запах другого человека, если он вызывает ассоциации и опознается как «свой», все остальное получится. Он хорошо целуется.

Она не ошиблась, выбрав его. Такт и чувственность.

Его язык касается ее языка. Она не надеялась снова испытать это с кем-нибудь другим после...

Она как во сне. Все нереально, словно ее загипнотизировали. Она запускает пальцы в его густые волосы, суточная щетина колет ей щеки, подбородок, губы. Она сбрасывает одежду, и он чувствует аромат ее кожи. Она пахнет сладостью тропиков, отпуском.

Он говорит:

– Нам будет удобнее в спальне.

Она отвечает:

– Погасите свет.

Он спрашивает:

– Уверены, что вам нужна темнота?

Она кивает.

– Уверена.

Он улыбается. Они улыбаются.

Ромэн наливает им еще рома. Посошок на дорожку. Подняться по лестницам. Пройти босиком по ковру. Оба исходят жаром. Прижимаются друг к другу влажными телами. Стон. Прелюдия. «Нет ничего слаще предварительных ласк...» – думает Нина. Юность возвращается, и это прекраснее обещаний. Они обнимаются, цепляются друг за друга, встречаются, торопятся, нет, не стоит, у нас много времени. Вся ночь впереди. Она принадлежит только нам. Мы богачи, у нас полные руки сокровищ. Не упустить бесценный миг.

Май 1994

– Я беременна.

Они занимаются любовью в комнате Этьена. Он снимает презерватив кончиками пальцев, бросает взгляд на лежащую рядом Клотильду и в который уже раз думает: «Рот у нее как у грызуна... Некрасивый, слишком маленький. И губы тонкие, а она их красит и подчеркивает этот недостаток!» Зубы у девушки белые и ровные, но слегка выдаются вперед, глаза голубые, а веки Клотильда красит сиреневыми тенями. Все обращают внимание на ее красивые глаза, и парни и девушки. Носик тоже хорош, прямой и тонкий. Кожа молочно-белая. Этьен обожает ее грудь с бледно-розовыми сосками и плоский упругий живот. У Клотильды поджарое тело спортсменки, ростом она с Нину. Всех покоренных им девушек Этьен всегда сравнивает именно с ней и никогда с сестрой. Малышка Луиза вне конкуренции. Нина – другое дело, не сестра, но некто, не определяемый словами. Подруга детства. Так он ее представляет, знакомя с друзьями: «Моя подруга детства...» – что избавляет от необходимости давать пространные объяснения. Например, такие: «Она моя женщина, мы никогда не расстанемся, но мы не вместе...» Об Адриене Этьен говорит: «Он мой лучший друг», хотя думает иначе. Адриен, он тоже «другое дело». Раньше что бы они

ни делали, рядом была Нина, но как только Адриену исполнилось четырнадцать, он стал приходить к другу один – поиграть на синтезаторе или сразиться на *Sega*. Консоль круглые сутки подключена и стоит рядом с их клавиатурами. Они устраиваются на старом диванчике, выбирают *Cosmic Carnage*⁶⁶ или *Sonic*⁶⁷ и играют часы напролет. Когда появляется Нина, Этьен нехотя уступает ей «рычаги управления», но она нетерпелива, и мальчишки злятся.

Он делает затяжку. Закрывает глаза. Снова открывает, когда Клотильда говорит:

– Не знаю, как это вышло, наверное, забыла принять пилюлю.

Этьен прикрывается простыней, словно его вдруг одолела стыдливость или он решил положить конец близости.

Он думает об отце. Как он отреагирует, если узнает? Марк – гордый и вспыльчивый человек, до сих пор он молчал, потому что Мари-Лор терпеть не может, когда Этьена сравнивают с Полем-Эмилем. Известие о том, что отпрыск «заделал» девушке ребенка, освободит его от сдержанности. Ох уж он поиздевается!

– Дерьмо... Дерьмовское дерьмо! – стонет Этьен.

– Согласна, – отвечает Клотильда.

---

⁶⁶ *Cosmic Carnage* – боевая видеоигра, разработанная *Almanic Corporation* совместно с *ALU* и опубликованная *Sega*.

⁶⁷ *Sonic the Hedgehog* – серия видеоигр, созданная студией *Sonic Team*, а также торговая марка, основанная на этой серии и принадлежащая японской компании *Sega*.

– Уверена?

– Да.

– У врача была?

– Еще нет.

– Не откладывай.

– Ладно.

– Через месяц у нас бакалавриатский экзамен.

По средам после обеда Клотильда с Этьеном кувыркаются у него дома. Запирают дверь, не торопясь разогреваются, экспериментируют. Два семнадцатилетних неопита ищут и открывают для себя телесное наслаждение, покоряют вселенную эроса. Переменка, передых, а с любовью разберемся позднее. Свое будущее Этьен видит с Адриеном и Ниной в Париже.

Пять месяцев... Он впервые так надолго завис с девушкой, и почва из-под ног ушла тоже впервые.

Этьен пока что не осознал смысла слов Клотильды. Его отец назвал бы случившееся «оборотной стороной медали». Шарахнуло Этьена сильно, он словно бы раздвоился. Одно «я» вопит: «Смывайся!», другое только что не лопается от гордости. Клотильда залетела от него! Самец выпячивает грудь, трусу с каждой минутой все страшнее: стать отцом в семнадцать – чистый кошмар... Придется остаться в Ла-Комели. Повторить судьбу родителей. Уходить на работу не выпавшись, поздно возвращаться, забыть о своих мечтах. Ребенок займет его место в бассейне, на скейте, в ночном

клубе, за синтезатором и игровой приставкой, пока молодой отец будет вкалывать, чтобы прокормить птенца. НИ-КОГДА!

А вот Нина только о том и думает, как бы поскорее выскочить замуж, завести детишек и жить в собственном доме. Тоска. Этьен не верит, что Нине вправду нужна такая «имитация счастья». Она повзрослеет, и они заживут – втроем, свободные, как вода в ручье, будут много концертировать, может, даже организуют себе мировой тур.

Этьен одевается. Ему пора к друзьям, они часами занимаются, задают друг другу коварные вопросы. Без Адриена и Нины он ни за что не перешел бы во второй и уж тем более в первый класс. Родители предоставляют ему свободу действий только за хорошие результаты по всем предметам, в Париж отпускают, если он поступит в институт. В любой. Но не ради занятий музыкой. Этьен всегда любил сериалы «Наварро» и «Комиссар Мулен», вот и решил стать сыщиком. Сыщик и музыкант, един в двух лицах, высший класс! Кроме того, он хороший спортсмен, это дополнительное преимущество при поступлении.

Он наблюдает за Клотильдой. Беременная подружка – это сюр почище Нининых месячных в десять лет. В мире Этьена подобные фокусы не случаются.

– Я тебя отвезу, – говорит он.

Они проходят мимо Луизы – она уютно устроилась на диване и читает, – коротко прощаются: «Пока, до вече-

ра...» «Интересно, как можно добровольно читать роман, если тебя не принуждают, просто для собственного удовольствия?» – рассеянно думает Этьен. Адриен и Луиза обмениваются книгами. Между ними что-то происходит, это очевидно, но Этьен притворяется слепым кротом. Ему удобнее не знать.

Он седлает мотоцикл, уступает Клотильде свой шлем и мчится по улицам Ла-Комели. Девушка держится за него, и ему хочется резко затормозить, чтобы она отцепилась, завалилась назад, перестала быть. Эти мысли ужасают Этьена, и он чувствует... да, облегчение, ссадив Кло у ее дома, а на прощание просит подругу сходить к врачу не откладывая. Ему почему-то не верится в ее историю. Как их сексуальные потягушки могли привести к беременности? Она говорит, что принимает таблетки, они пользуются презиками. Раз или два резинка соскальзывала или рвалась, но таких совпадений не бывает.

– Поедешь к ним? – спрашивает Клотильда.

В вопросе содержится упрек: «Сколько можно? Брось их хоть ненадолго! Вы не устали друг от друга?»

– Угу, – отвечает Этьен. – Мы всегда занимаемся вместе.

Он в прямом смысле сбегает к Нине. Врывается в дом, поднимается на второй этаж, прыгая через ступеньку. Они давным-давно перестали стучать, прежде чем войти, и во всех трех домах чувствуют себя дома. Взрослые привыкли. Пока дети были маленькие, они говорили: «Это пройдет, из-

живется, в коллеже у каждого появятся новые друзья!» – и ошиблись. Оставалось одно – смириться. Всем вокруг кажется, что эти ребята – члены одной семьи. Они вместе взрослеют. Ночуют, едят и развлекаются в выходные. Взаимная привязанность чрезвычайно сильна. Жозефина просто обожает Этьена и Нину, часто нежно целует и обнимает их, знает любимые блюда каждого и специально готовит. Пьер привязался к Адриену с Этьеном, как к детям брата или сестры, которых, увы, у него никогда не было. Мари-Лор и Марк всегда зовут ребят ужинать с ними и, если те долго не появляются, чувствуют некоторую пустоту. Уже много лет все говорят друг другу «ты», каждая семья наблюдала, как меняются характеры чужих детей и их тела.

Этьен забирается по лестнице, толкает дверь комнаты. Нина и Адриен сидят на полу по-турецки и задают друг другу вопросы на английском. Он коротко здоровается и бухается на кровать – так ему уютнее.

– Почему ты такой бледный? – вскидывается Нина. – Как будто смотрел «Изгоняющего дьявола». Ничего не случилось?

Этьену неловко, даже чуть-чуть стыдно и рассказывать, в чем дело, не хочется. Вообще-то они с Ниной ничего друг от друга не скрывают. Адриен слушает, но сам тихушничает и редко участвует в спорах о сексе и любви. Он если и говорит, то лишь о том, как ненавидит отца, или о том, что прочел, о текстах написанных песен. Наедине Нина достает его вопро-

сами: «Ну а ты в кого влюблен? Тебе правда нравится Луиза? Ты уже целовал ее? Вы спали?» – «Я тебя люблю...» – отвечает он – на любой вопрос. «Мне надоели твои отговорки! – сердится Нина. – Я тебе все рассказываю, а ты...»

Вечером по субботам они ходят в Клуб 4, ночное заведение в тридцати километрах от Ла-Комели. Родители отвозят их туда по очереди, а в 4 утра забирают с парковки.

Они вместе готовятся к походу в клуб. Придирчиво выбирают одежду, рано ужинают и втихаря выпивают по несколько стаканчиков, потом чистят зубы и причесываются перед одним зеркалом. Иногда Адриен и Нина меняются футболками, а Этьен участвовать не может, у него слишком большой размер. Нина красится – под строгим контролем друзей. «Не увлекайся, будешь выглядеть вульгарно!» – твердит Этьен. Они разглядывают картинки в журналах и причесываются как рок-звезды, тратя немереное количество геля для волос. Этьен зачесывает светлые волосы набок – он обожает Курта Кобейна, недавно ушедшего из жизни. У Адриена черные кудри а-ля Дэвид Боуи, Нина носит короткое каре под молодую Дэби Харри, меняя цвет волос как перчатки. Экспериментирует со своей головой.

В доме Этьена к ним в ванную приходит Луиза. Здесь пахнет духами, лаком, табачным дымом, водкой и шампунем. Волшебные волнующие ароматы! Девочка мечтает отправиться с троицей в ночное заведение, она умоляет отпустить ее, даже ногами топает, но родители непреклонны:

– Тебе всего шестнадцать, так что нет, нет, нет и нет!

– Скоро будет семнадцать! А Адриен совершеннолетний!

Он за мной присмотрит.

– Забудь...

* * *

12 декабря 2017

Клуб 4... Я его обожала, когда училась в выпускном. Встречала там гуляк-одноклассников и ребят, живущих неподалеку. Клуб 4 был шикарным заведением, туда кого попало не пускали. «Херувимчикам», пьяным или не соблюдающим дресс-код вход был закрыт.

Мы приезжали ближе к 23:00 и сразу выпивали по первой: входной билет давал право на два «подхода». У одного из нас всегда была при себе бутылка, и он наливал из-под полы. Хозяйка знала, но закрывала глаза: модные красавчики привлекали в заведение публику.

В клубе тусовалась космополитичная публика: лицеисты, старики, геи, клубберы, женатики, замужние дамы, травести. Для провинции у нашего любимого злачного места был класс, даже парижане заглядывали. Помню, там была задняя комната, где мы ни разу не бывали, но знали, что некоторые посетители перепихивались там.

Сегодня, по прошествии времени, я нахожу полным безумием тот факт, что нас пускали в это место, балансировав-

шее на грани порока, хотя большинство из нас были несовершеннолетними. Боже, нас отвозили собственные родители – как в «нормальный» клуб! Извиняет взрослых одно – они понятия не имели, насколько «ненормальным» было все в Клубе 4.

Чем мы занимались? Весь вечер нюхали попперс⁶⁸ (в свободной продаже в баре!), передавали друг другу маленькие бутылочки и глядели на свои отражения в зеркалах, искаженные, зыбкие, сходили с ума и смеялись до упаду, до посинения, чувствуя, что переступаем грань дозволенного.

Музыка была отличная. Рулил пламенно-артистичный диджей: большую часть времени он миксовал техно-транс. Музыка окрыляла, заставляла кровь пульсировать в венах. Мы танцевали в плотную обнимку и пьянели, в унисон открывая новые ощущения. Мы изображали взрослых, свободных и лишенных всяческих комплексов, а были детьми.

В час ночи диджей останавливал электронную музыку, и наше место на танцполе занимали трансвеститы в платьях с пайетками. Они изображали американских див – Глорию Гейнер с «*Я выживу*»⁶⁹, Донну Саммер с «*Я влюблена*»⁷⁰ и «*Билет в один конец*»⁷¹ Eruption.

---

⁶⁸ Попперс – сленговое название группы химических веществ, которые вредны для здоровья, но, тем не менее, иногда используются с целью усиления сексуального удовольствия.

⁶⁹ I Will Survive (англ.).

⁷⁰ I Feel Love (англ.).

⁷¹ One Way Ticket (англ.).

После представления всегда начинался «Танцевальный коврик»⁷².

В игре Нина никогда не выбирала Этьена – не хотела, чтобы он ее целовал. Слишком это было опасно. Слишком сложно. Флирт мог повредить дружбе, а кроме того, они слишком уж близко знали друг друга и тянуло их только к незнакомым людям. Нина с Этьеном напоминали стариков, женатых тысячу лет и почти не замечающих друг друга.

Адриен никогда не участвовал в игре, он сидел у бара и с улыбкой наблюдал за друзьями. Сколько девушек и ребят протягивали платок, как символическое приглашение, Этьену? Его чаще всех остальных желали видеть в центре. Он веселился, целовал девушек, а если успевал набраться, мог чмокнуть в губы и парня. В выпускном классе у него были отношения с ревнивицей Клотильдой Марэ, позволявшей ему отрываться только в Клубе 4, впрочем, если поцелуйчик в игре затягивался, она могла закатить скандал. Желая отомстить, Кло выбирала посетителя посимпатичнее и отдавала ему платок, чего Этьен не выносил. «Я лучше сдохну, чем буду смотреть, как моя девушка при всех делает из меня идиота!»

Нина все еще не сделала последнего шага и только об этом и думала. Навязчивая идея не давала ей спокойно жить, но она твердо решила, что сделает *это* только с возлюбленным.

---

⁷² Танцевальный коврик – плоский электронный игровой контроллер, используемый в качестве пользовательского интерфейса в танцевальных играх.

Особенно в первый раз. Нина обмирала по Александру, с которым перекинулась едва ли десятком слов. «Привет, ты в порядке?» – «Да. А ты?» – «Ну пока...» Наикратчайший диалог оставлял ее в состоянии блаженства и полной обессиленности. Александр появлялся в Клубе 4 не раньше двух часов ночи. Нина мгновенно различала в темноте знакомый силуэт и уходила с танцпола. Они с Ниной ходили кругами, стараясь не слишком удаляться друг от друга, хотя у Александра была сверхбдительная подружка. Если он шел в сортир, она сторожила его у дверей, как вышибала, тем более что однажды заметила, как не пожелавшая стоять в очереди в женский туалет Нина зашла в мужской. Как-то она пересеклась там с предметом своей страсти, он прижал ее к стене и так поцеловал, что аж дыхание перехватило. Увы, когда Нина очнулась и открыла глаза, Александра и след простыл.

Она ловила на себе его взгляды, они обменивались улыбками, изредка касались друг друга плечом или ладонью, но пиявка все замечала. Они с Александром уже в четырнадцать стали парой, этакие древние молодые люди. Виртуальные женатики с большим стажем. «Он ее разлюбил, но бросить не решается...» – донесла Нине общая приятельница.

Нина обожала рассказывать себе историю невозможной любви. «Будь он свободен, мы завели бы роман...»

Александру исполнился двадцать один год, он изучал право на юрфаке Дижонского университета и жил вместе с Липучкой. Нина часто в мечтах представляла себе квартиру,

красный диван, навороченную кухню и тоскующего Прекрасного Принца. Она часто во всеуслышание повторяла, что после лицея уедет с Этьеном и Адриеном в Париж, где они начнут новую жизнь. Душа ее не знала покоя, она то воображала себя счастливой женой и матерью, живущей по правилам и по расписанию, то принималась мечтать о полной свободе и любовниках. «Буду петь, рисовать, ездить по миру и в каждой стране заводить нового мужчину!»

В одном Нина была совершенно уверена: никто не разлучит ее с Адриеном и Этьеном.

12 декабря 2017

– Ты это делаешь со всеми мужчинами, которые берут собаку из твоего приюта?

Нина улыбается.

– Сколько тебе лет? – спрашивает он.

– По собачьему счету или по женско-человечьему?

– По собачьему.

– Зависит от размеров... Думаю, мне лет этак сто восемнадцать. А тебе?

– Аналогично.

– Пора домой.

– Можешь остаться.

– Я целую вечность сплю одна.

– Вечность – долгий срок.

– А ты?

– Что – я?

– Когда ты в последний раз храпел рядом с женщиной до самого утра?

– Вечность...

– Ты не женат?

– Разведен. А ты?

– Аналогично.

– Ну вот, в анкете уже два пункта совпадают...

– Дети есть?

– Нет. А у тебя?

– Тоже нет.

– Не знаю, как называют мужчину и женщину без детей.

– Порченными, наоборотчиками, одиночками, нерожавшими, бобылями, удачниками, эгоистами, стерильными, безрукими, лишенками, холодными, правильными, беспечными, веселыми бабниками, лихими бабами, рантье, вечными юнцами, вечными детьми, не оставляющими следа, унылыми дятлами, беспеленочниками, бесколясочниками, обреченными на одиночество после жизни, теми, «на чьи похороны и их кот не явится»...

Нина хохочет.

– Ты чертовски хороша, когда смеешься, – говорит он.

– Я просто еще не протрезвела. Твой бурбон «на посошок» добил меня.

– То есть ты веселишься, только когда пьяна?

Нина встает и одевается.

– Мужчина способен оплодотворять женщину до восьмидесяти четырех лет. Чаплин, кажется, стал отцом еще позже, так что у тебя есть шанс.

– Ура, я спасен! А для тебя все потеряно?

– Надо думать, так.

– Давай я тебя отвезу.

– Не стоит, пройду, подышу воздухом.

– Мы увидимся?

– Если решишь осчастливить еще одного пса.

Ромэн ухмыляется.

– Я тебе разонравился?

Нина не отвечает, она уже спускается по лестнице, чтобы взять джинсы и свитер, валяющиеся на полу в гостиной. Телевизор включен, идет какой-то черно-белый документальный фильм, на экране Гитлер, толпа, свастики. Боб все так же лежит на диване, он смотрит на Нину чудными печальными глазами.

– Привет, старина.

Нина надевает пальто, но не идет проститься с Ромэном. Она ему напишет. Короткую простую фразу: «Спасибо, что вернул меня к жизни» или коротко: «Спасибо». Или: «Прощай, спасибо».

Она бесшумно закрывает за собой дверь и уже на улице возвращается к вопросу «Я тебе разонравился?». «Нет, – думает она, – но ты слишком красиво говоришь, а я боюсь краснобаев».

Нину пробирает дрожь. Нет, она не жалеет о сделанном. Любовь не забывается.

15 декабря 2017

Я нахожу Николая в одной из коробок, стоящих в моем винном подвале. Я искала его повсюду целый час. Даже успела поплакать, ужаснувшись мысли, что он выскользнул, когда я утром открыла входную дверь.

– Что ты тут забыл?

Он в ответ запускает свою урчалку и смотрит невинными глазками. Обожаю запах моего кота, жар, исходящий от маленького тельца. Он и его домик-коробка появились всего несколько дней назад, а я даже помыслить не могу о расставании. Как поступить? Отдать в хорошие руки? А мои чем хуже? У этого мехового комочка колотится сердце, он ест, бегаёт, спит, мяукает, ищет меня и уже узнает среди других людей.

Николя лежит на моих дипломах. Я сдуваю шерстинки и закрываю папку. Поселившись в доме, я ни разу их не доставала. Зачем, чтобы вставить в красивые рамочки? Развесить по стенам, чтобы поражать воображение редких посетителей? Груда трофеев больше ничего для меня не значит, пусть служит матрасом моему коту.

Имена в списке.

Нина Бо: Принята с оценкой «хорошо».

Этьен Больё: Принят.

Адриен Бобен: Принят с оценкой «очень хорошо».

Они даже дышать перестали, пока ждали, а потом увидели свои фамилии и завопили хором, в три глотки. Кричал даже Адриен, обычно такой сдержанный, что его часто просят повторить ответ погромче, издал крик а-ля Тарзан. Нина всхлипывает в объятиях деда.

– У меня получилось, дедуля, у меня получилось...

Пьер Бо не может сдержать слез и смотрит на небо, посылая благодарность Одиль.

За жизнь, за смерть...

За наши ночи, наши дни...

За вечное удачи возвращение...⁷³

Этьен до смерти благодарен друзьям, он обнимает то Ни-ну, то Адриена, шепчет:

– Спасибо, ребята, спасибо...

Он ловит взгляд отца – более чем красноречивый! – бросается к матери, и та шепчет:

– Поздравляю, мой мальчик, браво! Можешь, если захочешь!

Марк Больё молчит, он считает, что сын все равно остался середнячком.

Жозефина рыдает от счастья, не отпускает от себя Адриена, сегодня она тоже победительница, сумела вырастить сына

---

⁷³ Строчки из песни Джо Дассена *A toi* – «За тебя» (фр.).

одна. Что скажет его папаша, когда узнает об оценке «очень хорошо»? Что подумает о тех, кого всегда считал ошибками молодости?

Адриен, Нина и Этьен смешиваются с другими лицеистами, счастливая Жозефина приглашает всех на импровизированный аперитив, никто не отказывается.

– Давайте расслабимся вместе с *нашими тремя детьми* и их друзьями. В крайнем случае раздвинем стены.

Мы с моей бесценной подругой Луизой исподтишка наблюдаем за публикой, но не высовываемся. Луиза только что сдала бакалавриатский экзамен по французскому языку, получила 17 за устный и 19 за письменный. Она хочет стать врачом и обязательно станет. Ее упорство и вера в себя восхищают меня больше всего.

Клотильда находит Этьена в толпе, кидается ему на шею. Он целует и обнимает девушку бережно и нежно – не хочет быть невнимательным после аборта. Он провожал ее до больницы, ждал, потом отвез домой. Чувство вины кого хочешь заставит соблюдать приличия. Этьен ждет июля: они расстанутся на месяц, а после каникул он отделается от Кло. Она уедет в Дижон, он в Париж, и роман станет далеким воспоминанием. Клотильда шепчет ему на ухо: «Люблю тебя...» Два слова, леденящие кровь. Он отвечает максимально лаконично: «Я тоже...»

В шесть вечера мы в доме Жозефины, она открыла все окна, чтобы впустить июльское солнце. Человек двадцать тес-

няться в маленькой квартирке, едят соленые орешки и пьют портвейн, мартини, виски и пастис, которые хозяйка щедрой рукой выставила на журнальный столик.

– Наливайте себе сами, ребята, если кончится лед, берите в холодильнике.

Курильщики по очереди выходят на крошечный балкончик парами – вдруг обвалится...

Разговаривают все только о планах на будущее, о других городах, упоминают Дижон, Шалон-сюр-Сон, Отён, Париж и Лион. Большинство бакалавров собираются учиться на разных факультетах. Адриен, Нина и Этьен подали заявления в *CROUS*⁷⁴ Парижа и парижского региона. «Квартира мечты» подождет. У Этьена мало шансов на комнату в общежитии, но Мари-Лор пообещала: «Я сниму тебе жилье недалеко от Нины и Адриена...» У них будут стипендии, а еще они смогут найти небольшие подработки на стороне. Трое детишек из Ла-Комели чертят линии общей судьбы: Адриен пойдет на первый курс, Этьен попробует поступить в полицейскую школу, Нина посвятит себя изящным искусствам. Они открыты всему, но доминирует общая тайная мечта: творить музыку. Играть в барах. На улицах. В метро. Записать альбом.

Этим вечером я не отхожу от Луизы и наслаждаюсь этим

---

⁷⁴ В высшем образовании Франции – Региональный центр университетов и школьников (CROUS), основанный в 1955 г., организация, предоставляющая стипендии, общежития университетов, организует культурные мероприятия и питание (кафе и рестораны) для студентов.

счастьем, запиваю его портвейном Жозефины. Она напоминает птичку, озабоченную своими делами и готовую улететь. Никогда не забуду, с какой гордостью Пьер Бо смотрел на внучку, каким счастливым было лицо Мари-Лор. Она наплевала на недовольного мужа и без конца угощалась мартини. Все родители улыбались, а мы чувствовали невероятное облегчение: дело сделано, степень бакалавра наша!

Раз десять звучит один и тот же тост: «За здоровье наших детей!»

Я тогда сделал потрясающее открытие. Оказывается, можно жить как в раю в плохой квартире на пятом этаже без лифта. Люди, а не вещи делают место обаятельным, радость нельзя купить, она возникает из воздуха, если его обитателям хорошо. Тем вечером мне дарили счастье наши надежды, наша молодость, родители, с их верой в нас, и дар судьбы, позволивший нам расти вместе в этой провинции, которая так усердно (кто-нибудь скажет, что слишком усердно) защищала нас.

Ну а я? Что будет со мной? Какой выбор сделаю я?

После аперитива у Жозефины новоиспеченные бакалавры назначают встречу на десять вечера, на берегу Лесного озера. Приказ: принести как можно больше бутылок.

Мы собираемся вокруг огромного костра, человек сто, в том числе ученики Луизиного класса. Этьен привез свой магнитофон и две колонки. Мы пьем пиво, виски и танцу-

ем под *Nirvana*, Брюса Спрингстина, *NTM*⁷⁵, *Máno Négra*⁷⁶, *iAM*⁷⁷, голосим хором *KOD*⁷⁸:

*У каждого своя дорога, свой путь
У каждого своя мечта. Своя судьба...*

В 23:00 почти все оказываются в воде, в одном белье, а некоторые ребята вообще без всего. Девчонки остались у огня, не пожелали раздеваться прилюдно, в том числе Луиза и Клотильда.

Последние гуляки расходятся под утро.

---

⁷⁵ *Suprême NTM* – французская хип-хоп-группа, образованная в 1989 г. Название является аббревиатурой вульгарного сленгового выражения *Nique Ta Mère* – трахни свою мать (*фр.*).

⁷⁶ *Máno Négra* – французская анархо-панк-рок-группа, основана в 1987 г.

⁷⁷ *iAM* – «Я» – французская хип-хоп-группа (1989). *iAM* имеет несколько значений: *Invasion Arrivée de Mars* («Вторжение с Марса»; *Mars* часто используется как метафора для Марселя в песнях *iAM*).

⁷⁸ *KOD* – акроним от *Kidson Drugs* (Дети на наркотиках), *King Overdosed* (Король передозировки), *Kill Our Demons* (Убейте наших демонов) – пятый студийный альбом американского хип-хоп-исполнителя и продюсера Джея Коула.

Пятница, 15 июля 1994

Пьер Бо привозит Нину к офису «Транспортов Дамамма». Он не хотел, чтобы она летом работала в почтовом департаменте, хотя ее бы точно взяли – детям служащих отдают предпочтение. Его внучка больше никогда даже близко не подойдет к письмам и открыткам. Он не знает, что девочка по-прежнему роется в его сумке, утаскивает к себе в комнату некоторые конверты и упивается чужими словами. Это как тайный порок, он сильнее ее.

– Желаю хорошо поработать, малыш...

Он всегда звал так Нину, и в детстве она спрашивала: «Дедуля, почему ты говоришь *малыш*, я же девочка, значит, я женского рода?» Пьер отвечал: «Зато сердце мужского⁷⁹. А ты мое маленькое сердечко...»

– До вечера, дедуля.

Нина подходит к стойке и представляется:

– Добрый день, я Нина Бо и сегодня начинаю у вас работать.

Получить это место помогла Мари-Лор. Она заполнила анкету и лично отдала ее своему другу-кадровику. Нину ведут в кабинет, где она будет работать полтора месяца, заме-

⁷⁹ Французское слово *le coeur* – сердце – мужского рода.

няя ушедшую в августовский отпуск мадемуазель Далем. Ее всему научат за десять дней: «Увидите, ничего сложного, будете получать и отправлять факсы, систематизировать счета в алфавитном порядке – это внизу, в подвале, печатать письма».

– Знаешь *Word*?

– Да.

– А как насчет орфографических ошибок?

– Справляюсь...

В этот самый момент Этьен сидит на заднем сиденье родительской машины рядом с Луизой и радуется, что утром покинул Ла-Комель. Клотильда ему опротивела, он больше не может ее видеть. Когда она намекнула, что, возможно, придет повидать его в Сен-Рафаэль, он не задумываясь брякнул: «Меня там не будет. В этом году мы поплывем на яхте вокруг Корсики».

Вранье. Ну и ладно. Девушка его достала. Вот ведь странность: можно любить человека, все в нем любить – его запах, тело, вкус слюны, голос, а потом взять и в мгновение ока возненавидеть! Это как вспомнить, что у заезженной с одной стороны пластинки есть еще и другая. И ты не опознаешь записанную там музыку. Этьен физически не способен находиться рядом с Кло. Она пиявка, ядро на ноге каторжника. Сизифов камень. «Ты меня любишь? Честно? Поклянись, что не бросишь!»

«Не поклянусь, – думает он. – Брошу».

Луиза о чем-то задумалась. Читать она не может, ее укачивает.

– Ты влюбилась в Адриена? – спрашивает Этьен, понизив голос до шепота, чтобы не услышали предки.

Онемевшая от изумления девочка несколько секунд смотрит ему в глаза.

– Ты первый раз спросил меня обо мне. Обычно ты открываешь рот, если хочешь что-нибудь попросить или требуется, чтобы я соврала и прикрыла тебя.

– Ты маленькая гадюка! – обижается Этьен.

Он отворачивается, притворяется, что смотрит в окно.

– Да... Да, я в него влюблена. Ты же заметил?

Этьен смотрит на сестру с подозрением.

– Я был уверен... Вы переспали? – спрашивает он – агрессивнее, чем хотел бы.

Луиза пожимает плечами, краснеет и мгновенно замыкается в молчании. Этьен понимает, что сестра не скажет больше ни слова до самого Сен-Рафаэля.

Адриен смотрится в зеркало в ванной и говорит себе, что в конечном итоге будет не таким уж и уродливым, потому что все больше походит на мать. Он стал изящнее. Высокие скулы, тонкий нос, губы полнее, чем он рассчитывал, зубы ровные и белые. Сдав экзамен «с отличием», он одержал победу, и в его ореховых глазах зажегся огонь. Он все так же строен на грани худобы, но времени впереди много, авось поправится. А вот подрастет вряд ли, не станет выше метра

семидесяти пяти. Что Адриен ненавидит, так это свою молочно-белую кожу. Он бы душу дьяволу продал за медный загар Этьена, а у него бледное лицо и круги под глазами. Ничего, вот наступит лето... А в Париже он точно будет выглядеть лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.